

РС
В19

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВ

Верю
в
неслы-
ханное
счастье

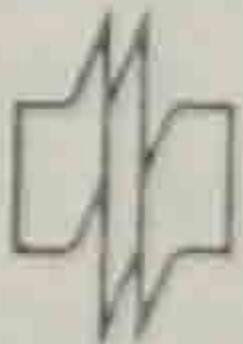

ІВ ҆СЕЛАСЬІН
ГУДІІ

ПАВЕЛ
ВАСИЛЬЕВ

◆
Верю
в
неслы-
ханное
счастье

СТИХОТВОРЕНИЯ

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1988

ББК 84Р7
В 19

- 413983 -

Областная библиотека
им. Н. Островского

Составитель,
автор вступительной статьи и примечаний
Г. А. ТЮРИН

Б 4702010200—185
078(02)—88 209—88

© Издательство
«Молодая
гвардия»,
1988 г.

ISBN 5-235-00194-X

ВЕТЕР ЯРОСТИ И ПРОСТОТЫ

Поэзия Павла Васильева — бурный, вулканический всплеск эмоциональной энергии и жизнелюбия. Он был страстно привязан к жизни и говорил о ней горячо, яростно:

Верю в неслыханное счастье.
Ну-ка попробуй, жизнь, отвяжи
Руки мои от своих запястий.

В памяти своих современников и в восприятии читателей он остается молодым. Молодым навсегда. 27 лет — здесь весь Васильев: и восторженный юноша-лирик, и поэт-скульптор, ваятель, автор широких эпических полотен «Песни о гибели казачьего войска», «Соляного бунта», «Кулаков»...

Открывается новый поэтический сборник стихами, написанными до 20 лет. Это — путь исканий, проб, открытий. Это — первые шаги к неповторимости и совершенству. «Разумеется, Васильев 20-х годов еще далеко не нашел себя. Но уже тогда он умел блеснуть таким сильным образом, такой совершенной вещью, где природный талант гармонически соединялся со зрелым мастерством» (Е. Беленький).

Временем рождения поэта считается 25 декабря 1910 года, но в метрической книге Зайсанской Александро-Невской церкви мы обнаружили запись: дата рождения Павла Николаевича Васильева — 23 декабря 1909 года (по старому стилю) *. Поэт становится на год старше. В его трагически короткой судьбе, где время отсчитывается не десятилетиями, а мгновениями, этот факт немаловажен.

Он родился в семье учителя приходской школы Николая Корниловича Васильева, прошедшего почти 40-летний педагогический

* Из справки Зайсанского райбюро загса за № 300 от 25 мая 1984 года, полученной автором статьи.

путь. Отец был человеком целеустремленным и образованным. Он писал в «Учительскую газету», в журнал «Просвещение на транспорте», им сдан в печать пропедевтический курс геометрии. Но «стихотворства» сына Николай Корнилович не признавал, и Павелтайком показывал свои первые стихи матери, Глафире Матвеевне.

Детство и юность П. Васильева прошли в Павлодаре. Ненадолго покидая родительский дом, начинающий поэт писал об этом городе: «Мне вдруг становится очень жалко и нашу уютную комнатку, и зеленый садик с пахучими кустами, и кривые, пыльные улицы Павлодара, которые я покидал... С каждой минутой мы отдаляемся все дальше и дальше, ясно встают передо мной прошедшие дни, проведенные в этом простом городке, ставшем для меня как бы родным». Это то сокровенное чувство, которое с поэтической полнотой раскроется в известных васильевских строках:

Мой Павлодар, мой город ястребиный,
Зажмурь глаза — по сердцу пробегут
Июльский гул и лепет сентябриний.
Амбары, палисадник, старый дом
В черемухе,
Приречных ветров шалость, —
Как ни стараюсь высмотреть — кругом
Как будто все по-прежнему осталось.

Выросший под знойным азиатским солнцем, Павел с детства впитал в себя щедрую и суровую красоту Прииртышья. Пылающие закаты над рекой, необъятные степные дали, задушевые казацкие песни и стремительные звуки домбры полонили душу впечатлительного юноши. Наблюдая наступление сумерек, 13-летний подросток писал в своем дневнике: «Фантазия работала беспрестанно, создавая из черных облаков, усеявших небо, громадных великанов и сказочных чудовищ. Я позабыл все и перенесся в мир Фантазии».

Он был взлелеян и заворожен сказкой. Она пробуждала воображение, вызывая удивительные ассоциации и рождая неповторимые, причудливые образы:

Я верю — не безноги ели,
Дорога с облаком сошлась,
И живы чудища доселе —
И птица — гусь, и рыба — язь...

Или:

Теперь бы время сказкой потешить
Про злую любовь, про лесную жизнь.
Четыре пня, как четыре леших,
Сидят у берега, опершись...

«Вот бы весь мир посмотреть!» — любил повторять Павел. И жизнь степи распахивалась перед одаренным юношей: с отцом и дедом он ездит по соседним станицам и аулам, бывает на знаменитой Куюндинской ярмарке, путешествует по Иртышу... Сохранившийся дневник алтайской поездки* юного П. Васильева спустя более полувека передает атмосферу становления его таланта:

«Ночь была чудная, легкий ветерок едва-едва рябил воду, и эта рябь красиво поблескивала под светом луны, которая, как лебедь, плавно скользила по безбрежному, неизмеримому озеру неба».

«Экскурсанты образовали несколько групп, из середины которых слышались сдержанные голоса рассказчиков. Я примкнул к одной из них, наслушался смешных и страшных сказок, а также рассказал и сам одну: считая это своим долгом».

«Теперь скажу несколько слов о произведенном на меня общем впечатлении об озере Зайсан: это мелкий зверь, рвущийся в беспильной злобе».

Мир природы, фантазии, живого народного слова — вот они, кристально чистые истоки буйной васильевской образности, о которой в 50-е годы скажет Б. Пастернак: «У него было то яркое, стремительное и счастливое воображение, без которого не бывает большой поэзии и примеров которого в такой мере я уже больше не встречал ни у кого за все истекшие после его смерти годы..»

Отсчет творчества поэта ведется от первых выступлений в печати: в конце 1926 года во владивостокской газете «Красный молодняк» были опубликованы его стихотворения «Октябрь», «Владивосток», «Из окна вагона». Но прикосновение к слову произошло задолго до этого, «Записывать и писать стихи П. Васильев начал с третьего класса, объединяя их общим названием «Сказки черниль-

* Рукописный дневник П. Н. Васильева, датируемый 1923 годом, хранится у И. Ф. Пшеницыной (Алма-Ата).

нога деда», — вспоминала одноклассница поэта Е. А. Киссен (Стэнман) в письме автору этих строк.

«Алтай! На сопки дикие, покрытые густым березняком, на камни острые, седым ручьем разбитые, я (исповедь свою принес, первый стих принес — зачеркнуто) свой рассказ принес» — эти дошедшие до нас строки раннего П. Васильева, написанные летом 1921 года в Балгынском ущелье, — не просто пейзажные зарисовки: картины природы и образ зарождающейся песни слиты. Юный поэт еще графически не выделяет стихи, он не справляется с нахлынувшим ритмическим потоком, но сквозь детскую непосредственность и наивность пробивается искренний, уверенный, напористый голос: «В глухом сибирском уголке родился я. Не знала мать, когда качала в люльке, напевая, что скоро песню напевать нужда мне будет злая...»

Он рано обрел веру в себя, в свой талант, в силу слова. Зрелый поэт напишет:

Суждено мне неуемной песней
В этом новом мире прозвенеть...

И это не излишняя самоуверенность, а глубокая личностноволевая основа самобытности его недюжинного дарования. Самобытности, сохраненной и в трудные для поэта годы.

Начальные страницы васильевской поэзии — это прежде всего книжный мир, который сам поэт называл «призрачно-красивым сном», «блестящими грезами», «чудно-красивым часом». В этих юношеских стихах — обольстительные красавицы (Мариэм, Ланни, Диана), экзотический интерьер, нарочито величественные позы, жесты, интонации. Под влиянием прочитанного творческая фантазия уносит юного автора в Рим и Париж, в Петербург, Венецию, Бессарабию... «Друг мой! В Италию стремись», — восклицал поэт в одном из ранних стихотворений. Но сквозь «красивости» книжного стиля отчетливо проступают реальные, свежие краски родного Прииртышья:

Этот вечер был птицею вольной,
Чуть трепещущей в сети лучей...
...Облака потянулись стройно,
Точно стая больших лебедей, —
Опыленные пурпурной пылью
В золотую раздольную даль...

Радостно-озорное настроение лирического героя:

Я тебя, о милая,
До-о-о-рогая,
Ни за какую пятерку не
Про-о-о-меняю... —

сменяется серьезными раздумьями и переживаниями:

Как этот год, еще пройдут года,
Растают в сумерках тревожные вопросы.
Не суждено мне, видно, расплетать
Твои тяжелые и золотые косы.

Юноша вступал в жизнь на рубеже десятилетий, озаренных классовыми битвами. П. Васильев не был участником бурных исторических событий, но он видел поступь революции, ее трудности и величие. «В 1919—1920 годах у нас расположился целый взвод красноармейцев, — вспоминала подруга детских лет поэта И. Ф. Пшеницына. — Во дворе стояли палатки, походная кухня... Павел буквально не выходил от нас. Среди возбужденных и восторженных мальчишек велись разговоры о штыках, эскадронах, винтовках, пушках. Картины тех дней глубоко запали в наше сердце».

Осмысливая увиденное, впечатлительный подросток стремился разобраться в происходящем: «Три года бурные промчались, то не был сон, я видел сам: штыки блестящие вонзались в родную грудь то здесь, то там... Но понимаю, уж армия Красная шла идеи свои защищать. Ну, а солдаты-то царские, белые, ну, а они-то — за что умирать?!»

В черновых дневниковых набросках 1923 года начинающий поэт размышляет о трудностях дореволюционной жизни, о событиях гражданской войны, о пробуждающейся Сибири... В этих наивнориторических, но искренних строках — эпический разбег стиха, зарождение былинной силы, исторического размаха его последующего творчества:

Необузданною лавою,
Бешеною кипучею волной
Поднялась, закипела воскресшая,
Обновленная красная Русь.

Скоро ль с ней всколыхнется Сибирь?
Скоро ль забываются артерии у тебя,
Мне родимая ширь?
А Сибирь, слыша песни победные,
Шепчет: «Скоро и я поднимусь!»
Этот шепот ее полуувянутый
Заглушает и топчет кулак...

Понимание правильности выбранного пути, убежденность в правоте революционного дела были осознаны им уже в этот ранний период, и приветствие, прославление новой жизни исходило из самых сокровенных глубин души: «И в первый раз народ порабощенный осмелился сказать: «Я — все!» Расширив воли круг стесненный, он громко крикнул: «Все — мое!» — А позже от имени казахов-бедняков он скажет:

Боевое слово,
Прекрасное слово,
Лучшее слово
Узнали мы:
РЕВОЛЮЦИЯ!

О чем бы ни писал в эти годы П. Васильев — о природе, о первой любви, о революции — лейтмотивом его ранней поэзии является образ песни. «Отзвуки живые», «напевы родные, знакомые» сливаются в безудержный песенный поток. Начинающий поэт осознает, что все сказанное им — это только «контуры стихов», но уже здесь, в этой «непослушной песне», ощутимы черты той яркой, самобытной поэзии, что со всей полнотой и силой зазвучит в 30-е годы:

Да, здесь черканья, здесь черканья,
Пера скучающего взмах,
Но дивных песен очертанья
Встают на сереньких листах.

Свобода и смелость в прикасновении к слову характерны уже для раннего творчества П. Васильева. Зачастую в одной строке юный поэт соотносит, «сталкивает» понятия отдаленные и несовместимые (букеты снежных роз, влажное золото звезд)... Отсюда эта неожиданность художественных ассоциаций в зрелой васильевской поэзии, где ноздри коня уподобляются розам («Лить жеребцов из

бронзы грядущей, с ноздрями как розы»), а грива скакуна — стремительная, порывистая птица («Не грива, а коршун на шее крутоя»).

В юношеских стихах П. Васильева — основа яркого метафорического олицетворения, проблески гиперболизма в изображении действительности, азы постижения звуковых и цветовых эффектов. «То, что позже ошеломит критику, покажется отчасти внешним экзотическим украшательством — имеет реальное происхождение, реальную жизненную основу», — справедливо отмечал А. Михайлов.

Самостоятельная жизнь началась со странствий. Поездки по стране были часты, а масштабы переездов огромны. «В августе 1928 года я получил командировку от газеты «Советская Сибирь» на золотые прииска, — рассказывал поэт о маршруте одного из своих путешествий. — Я пересек сначала всю Западную Сибирь, обогнул озеро Байкал, задержался в Бурято-Монгольской республике, посетил знаменитую каторжанскую Шилку, разрезал затем пополам почти всю Восточную Сибирь и свернул на знаменитые Нижне-Селенджинские золотые прииска...»*. Поистине «сибирская одиссея»! И везде оставались стихи. Собрать воедино эти поэтические россыпи П. Васильев не успел...

Почти через 50 лет после первой публикации найдены его «Урожай», «На севере», стихотворение о Сибири («Сибирь! Все ненасытнее и злей...»). Затерявшись в местной и ведомственной печати, эти незаслуженно забытые строки не вошли ни в один из посмертных сборников поэта.

«Партизанская разведка» — стихотворение, обнаруженнное нами в хабаровской газете «Тихоокеанская звезда», подписано псевдонимом «Павел Китаев». Обращение к вымышленному имени связано с тем, что здесь же, на другой странице этой газеты, печатались «Две пощечины» — отрывок из повести П. Васильева «Партизанские реки». Два произведения в одном номере — не это ли свидетельство творческой активности и работоспособности молодого автора?

* Письмо П. Н. Васильева из Хабаровска от 29 января 1929 года; хранится у И. Ф. Пшеницыной.

Он работал настойчиво и вдохновенно. Работал в любых условиях: в вагоне поезда и на случайном сеновале, на подоконнике пустующей комнаты общежития, на палубе парохода... И за короткий жизненный путь им написано много: сборники художественных очерков «Люди в тайге» и «В золотой разведке», стихи, поэмы, переводы, пьесы...

Поэт неразрывно слит с жизнью. В тайге — он охотник и золотодобытчик, в тундре — каюр, на море — рулевой каботажного судна... Отсюда этот раскатистый пульс страны, бьющийся в его поэзии: путина на Арале и строительство Турксиба, освоение Сибири, развитие прииртышских городов, покорение Севера... Не все было художественно равноценным, но свершения народа радовали, волновали, вдохновляли — и это главное!

Характерно, что восточные ритмы, образы, краски полнокровно вливаются и в оригинальные произведения поэта. Юрта, кумыс, байга, кошма, отара... — реалии, знакомые и близкие каждому казаху, в его творчестве воспринимаются как двуязычные, становятся понятными и русскому читателю. «С Васильевым в нашу поэзию пришла Азия, веселая и мужественная, звонкая и яркая, гостеприимная и жестокая», — заключал С. Поделков.

«Степная девушка простая» и девчата из казацких станиц, джигиты и казаки у Васильева стоят рядом:

А на седлах чекан-нарез,
И станишники смотрят — во!
И киргизы смеются — во!
И широкий крутой заезд
Низко стелется над травой.

Ощущение радости жизни, восхищение красотой и щедростью земли — это жизненная основа интернационалистического пафоса его творчества.

Путь поэта к признанию был сложен. Случались и досадные срывы. Вульгарно-социологическая критика торопливо объявляла его талант «стихийным», а творчество — «чуждым советской действительности». Но вдохновенные строки П. Васильева прошли сквозь острые литературные споры и десятилетия вынужденного забвения. «Поэзия его — живет. Значит, — имеет на это право,

Значит, — это действительно поэзия», — подвел важный итог васильевского творчества С. Залыгин.

Сила жизненности и неослабевающей притягательности его стиха — в страстном, дерзновенном познании мира. Образы зрелого поэта осязаемы, зrimы, весомы, в них — «удесятеренная сила жизни». Эта материальная полновесность, избыточность — основа яркой метафоричности васильевского стиля:

...Но в травах густых
Тяжело поднимаются жарким рассветом
Перезревшие солнца обветренных тыкв.

Щедрый и яростный мир поэт рисует пылающими, ослепительно-контрастными красками. И цвет в поэзии П. Васильева материально ощутим, подвижен, охватывает широкие пространственные границы:

Голубизной и вскипающей кровью
По небу удариł горячий рассвет...

Даже статические, неодушевленные объекты в его поэзии наделяются полновесной жизненностью, вбирают в себя черты органического мира, чаще — многообразие динамических свойств:

Сбежав с косогора,
Текли табунами
И шли, словно волны,
Курганы и степи...

Под влиянием этой живительной творческой силы, воссозданной «счастливым» воображением автора, рождаются удивительные персонифицированные образы:

И купеческой дочкой росла в палисадах сирень,
Оправляя багровые, чуть поседелые букли...

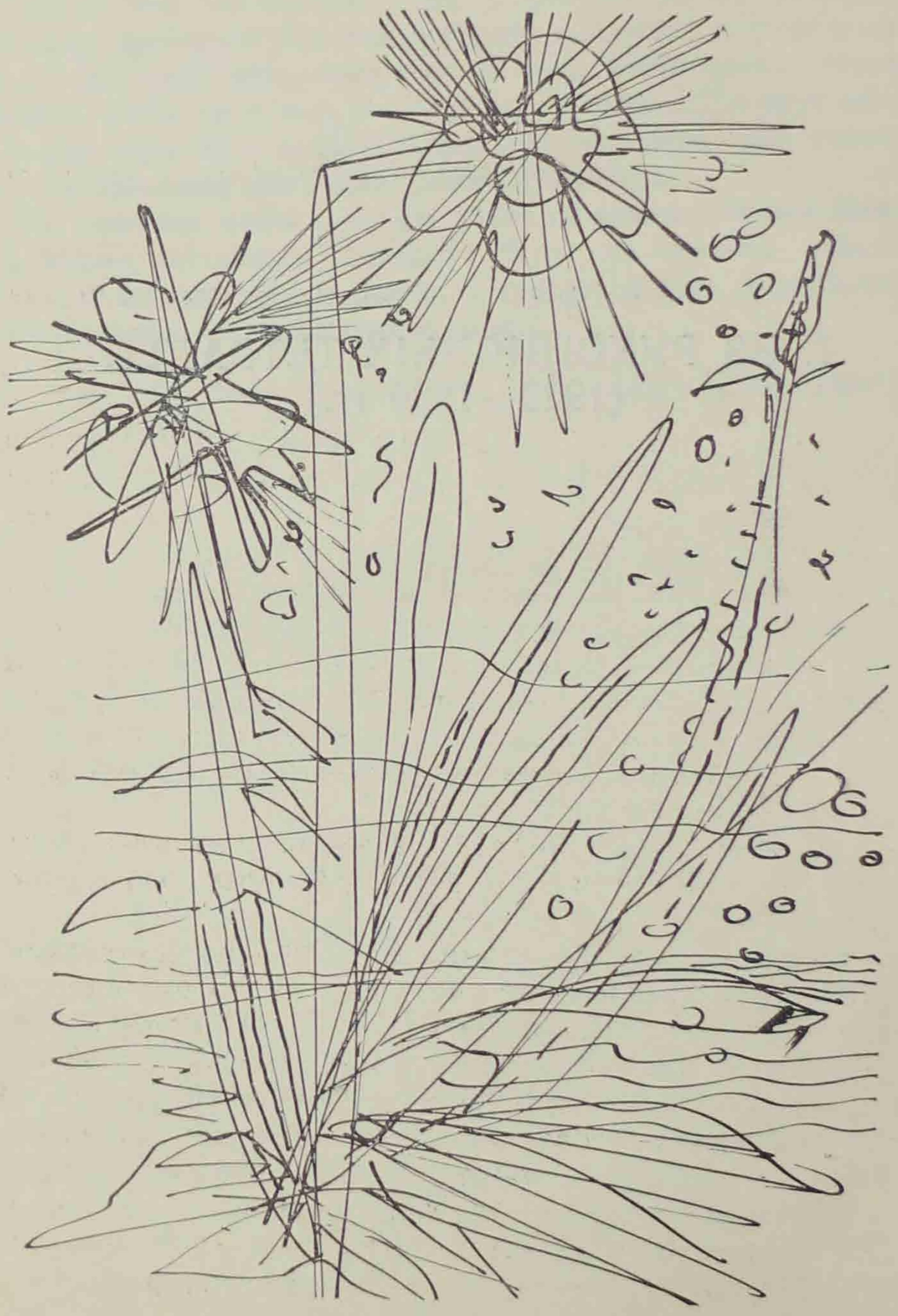
...Июнь в деревни привезли.
Он выпрыгнул, рудой, без шубы,
С фиалками заместо глаз,
И, крепкие оскалив зубы,
Прищурившись, смотрел на нас...

Самобытные васильевские стихи — это сгустки художественной экспрессии, органический сплав бурлящей жизненной энергии и мощной динамической напряженности. «Я хочу, чтобы слова роскошествовали, чтобы их можно было брать горстями... Для меня важен не только вкус, но и сытость. Струка должна быть, как свинчата» — эстетическая программа зрелого художника.

Им задумана поэма о походе казачьих полков атамана Платова к Индии, составлены сборники «Путь на Семиге», «Песни», «Ясак», «Книга стихов», — так и не увидевшие света. Многое, очень многое осталось незавершенным в 27 лет...

ГЕННАДИЙ ТЮРИН

1. ИЗ РУКОПИСНЫХ ТЕТРАДЕЙ
(1923—1926 гг.)

ПОЭЗИЯ. ИСПОВЕДЬ

Посвящается Лидии Прокопьевой

I

Алтай! На сопки дикие, покрытые густым березняком, на камни острые, седым ручьем разбитые, я (исповедь свою принес, первый стих принес — зачеркнуто) свой рассказ принес.

Лишь здесь, под синей вереницею седых, косматых гор, лишь здесь, где кроме скал утесистых ничто не встретит взор, я пропою. А эхо перекатное, подхватит, разнесет, ответит раз под тысячу и снова пропоет!

В глухом сибирском уголке родился я. Не знала мать, когда качала в люльке, напевая, что скоро песню напевать нужда мне будет злая. Летели годы, то пушистой нас покрывала скатертью зима, и по дороге искрилась змеистой ее застывшая роса. То снова, льды ломая, к нам шла красавица весна, неся ковры цветочков мая, как небо чистое, ясна.

Тогда, я помню, лист желтел, на запад стаи птиц летели, лишь ветер злой все пел и пел, да нивы поздние рыжели...

Дни вереницей, словно тучки, однообразно пролетали, чего-то ждали все, и что-то всех как будто ожидало. А ветер все дышал, дышал, дыханьем нивы колыхая, ну кто бы только угадал, что эта нива золотая, росой обмытая искристой, что эта нива кровью алой насытится и, струйкой серебристой, ручей смешается с кровавою струей! Что скоро над землей усталой взовьется гордо красный стяг. Россия, время отмахнувшись, с ним сделает свой первый шаг. И вот взлетел орел кровавый, затрепыхал крылатый флаг, и уничтоженный, разбитый, уполз его тиран и враг!

Областная библиотека
им. Н. Островского

И в первый раз народ порабощенный осмелился сказать: «Я — всё!» Расширив воли круг стесненный, он громко крикнул: «Всё — моё!»

Толпы народные ревели, сметая старое с пути.
(Дворцы боярские горели везде как алые цветы!)

Бои жестокие гремели,
Страну опутали фронты.

Три года бурные промчались, то не был сон, я видел сам: штыки блестящие вонзались в родную грудь то здесь, то там (в объятьях смерти люди бились).

(Зачем их слали умирать? иль под шинелями сердца не те же бились? иль не могли они не мыслить, не страдать?

Но понимаю, уж армия Красная шла идеи свои защищать.

Ну, а солдаты-то царские, белые, ну, а они-то — за что умирать?!

II

Вот улеглась гроза, порассеились молнии Красной враги, тучи чернильные, гномы небесные прочь ускоряя шаги! Вот уж и небо, сверкая сапфирами нежных невидимых глаз. Вот и весна с серебристыми клирами, полная светлой надежды для нас.)

III

Народ, в волненьях утомленный,
Терпел нужду, забросив плуг
И не обделанный, заросший
Травою сорной (пышный) луг,
Когда-то хлебом золотистым
Отягощенный, (увядал)
(Осенний лист везде летал,
Да дождик капли слез ронял,

В бугры тихонько
ударял).
(Теперь лишь ветер)
Прошло... Замолкли пушки...
Дух творчества восстал.
Жизнь закипела, как речка осенняя
Сон позабыв, забурлила опять
Солнце умеркшее, солнце весеннее
(Лик показало опять)
Стало сильнее блестать!

1923 г.

ЭКСПРОМТ

Ни слез, ни горечи, ни сна
Мы никогда, друзья, не знали —
С весельем кубок поднимали,
Анализируя до дна!

19 ноября 1925 г.
г. Павлодар

* * *

Распрощалися с зимнею стуженькой.
Раньше солнцем алеет восток.
Чаще стал с сизокрылой подруженькой
Над окном ворковать голубок...

Вечерами прохладными, нежными
Вдоль по улице взбухших снегов
Аккуратные, в меру прилежные,
Ходят пары немых школьаров.

Впрочем, что я, совсем не немые,
Только тихо они говорят,
Разве можно в минуты такие
Слово теплое им удержать?..

«Я люблю Вас любовью безбрежною!»
И откуда берутся слова?
«Эти песни, гульливо-мятежные,
Золотая напела весна!»

«Дай-ка лицо мне белоснежное,
Без любви ты увянешь цветком.
Наша сказка, мечта наша нежная
Пусть промчится чарующим сном!»

Дальше? — Дальше по-новому старое.
Дальше? — Дальше расскажет весна.
Дальше — знают лишь оченъки карие,
Да бездонные ночи глаза!

26 марта 1926 г.
г. Павлодар

* * *

...Кругом песочек, солнце, ветер,
Кругом сухая тишина.
На солнце дремлет рыжий сеттер
И дремлет вялая весна.

Вновь павлодарские дороги
Ласкают пылью сапоги,
Мои громаднейшие ноги,
По коим меряют шаги...

5 апреля 1926 г.
г. Павлодар

* * *

Сижу, а вечер за окошком
Плетет на небе звезду сеть,
И грустно как-то мне немножко,
И тихо хочется запеть.

Чтоб грустью песнь переливалась,
Чтоб пела песнь, что в небе тьма....
А ночка вешняя старалась
На небе строить терема.

Пой, песня, пой, и сердце нежно
Забило этой песне в такт,
И нотки тихие, прилежно,
Я выводил сегодня так...

9 апреля 1926 г.
г. Павлодар

ПЕСНЯ ПРО АБРАМА

Был евреем маленький Абрам.
Жил он в комнатке холодной и сырой
И дрожал в кровати по утрам
Снежною сибирскою зимой...

Жался улицею хмурой, городской
В цепи длинных и усталых дней.
Вечером опять домой
Шел он маленький, затерянный еврей.

Всех хотел родными он встречать,
А встречались с ним одни чужие.
И с слезами спрашивал он мать:
«Почему на свете только злы?..»

А у матери тоска в глазах,
Гладит бледною морщинистой рукой,
И змеится тихо на устах:
«Милый мальчик мой...»

Среди темных, пошлых этих снов
Не ответили забытому ему,
И в трущобах гаденьких углов
Затерялось это: «почему?»

Год, другой прошли и скрылись,
Заставляя только вспоминать.
Ярким утром новое явилось, —
Чтобы вечно жить, не угасать!..

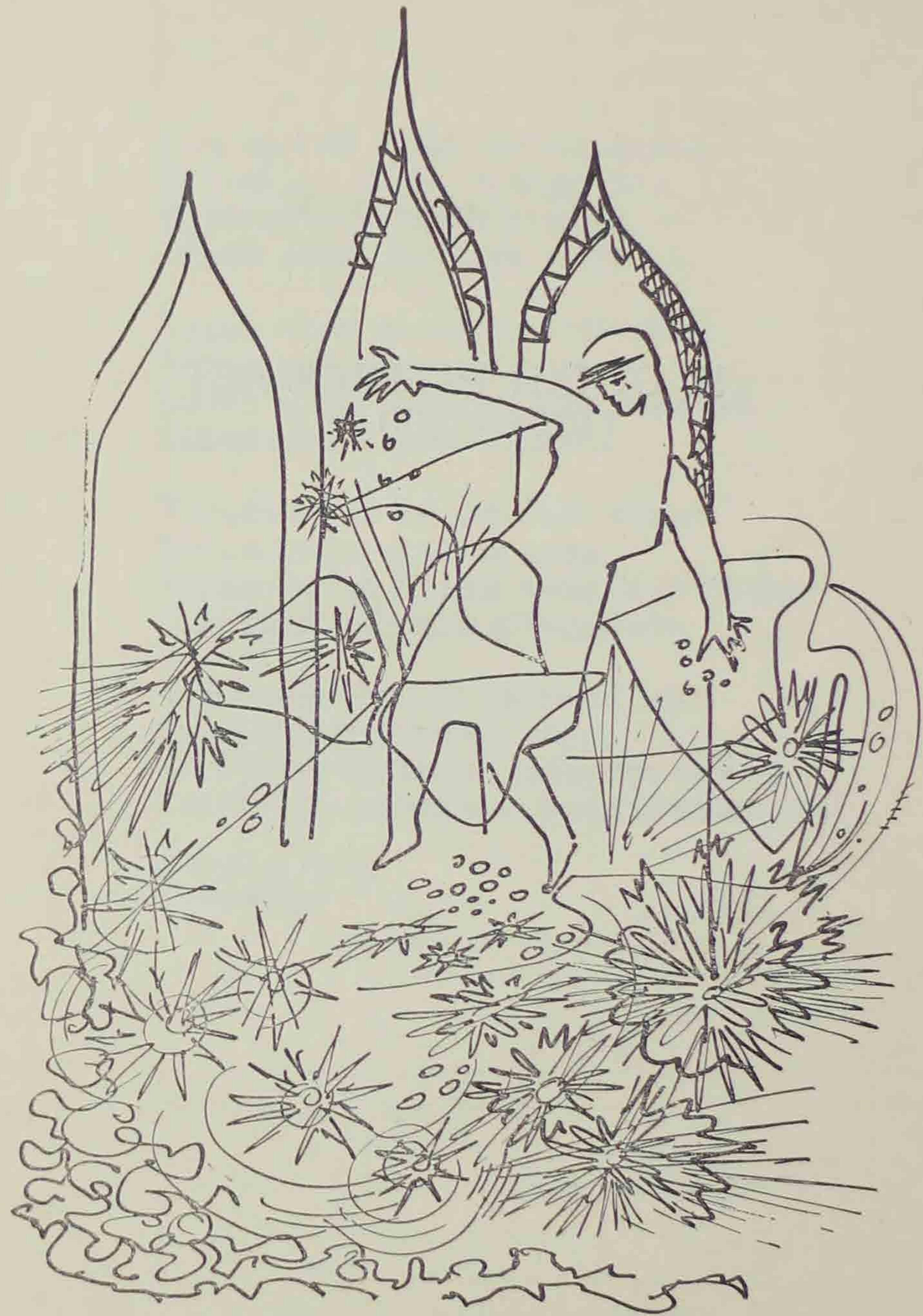
Утром этим, свежестью облитым,
И ведущим к новым дням
Встал когда-то серенький, забытый
Маленький еврей Абрам!..

Только встал он сильным, новым
На расцвете огневой зари
Только встал Абрам «всегда готовым,
Для труда, победы и борьбы!».

— Почему же так переменился
Он, что был затерян, сер?
— Вместо прежнего забитого явился
С красным галстуком и сердцем пионер!

29 апреля 1926г,
г. Павлодар

II. СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ
(1926—1930 гг.)

БУХТА

...Бухта тихая до дна напоена
Лунными, иглистыми лучами,
И от этого мне кажется — она
Вздрагивает синими плечами.

Белым шарфом пена под веслом,
Темной шалью небо надо мною...
Ну, о чём еще, скажи, о чём
Можно петь под этою луною?

Хоть проси меня, хоть не проси
Взглядом и рукой усталой,
Все равно не хватит сил,
Чтобы эта песня замолчала.

Все равно в расцвеченный узор
Звезды бусами стеклянными упали...
Этот неба шелковый ковер,
Ты скажи, не в Персии ли ткали?

И признайся мне, что хорошо
Вот таким, без шума и ошибок,
Задевать лицом за лунный шелк
И купаться в золоте улыбок.

Знаешь, мне хотелось, чтоб душа
Утонула в небе или в море
Так, чтоб можно было вовсе не дышать,
Растворившись без следа в просторе.

Так, чтоб все растаяло, ушло,
Как вот эти голубые тени...
Не торопится тяжелое весло
Воду возле борта вспенить...

Бухта тихая до дна напоена
Лунными, иглистыми лучами,
И от этого мне кажется — она
Вздрагивает синими плечами.

1926 г.

ТАМ, ГДЕ ТЕЧЕТ ИРТЫШ

Под солнцем хорошо видна
У берегов цветная галька.
Свой гребень подняла волна
Крылом нацелившейся чайки.
Шумят листвою тальники,
Но справиться с собой не в силе,
На неокрепшие пески
Густые космы распустили...
Ой, звонок на ветру Иртыш!
На поворотах волны гибки.
В протоках медленных камыш
Зеленые качает зыбки...
Здесь в сорок лет не перебить
От корма ожиревшей птицы,
И от Алтая до Оби
Казачьи тянутся станицы.
По тем становищам реки
Не выжжены былые нравы,
Буянят часто казаки,
Не зная никакой управы.
Старинным праздником блинов,
Известной масленицей пряной,
Здесь перегон не одного
Роняет помертвелым с санок.
И на отцовских лошадях
Мальчишек озорные шайки
Съезжаются. И не шутя

Замахиваются нагайкой.
Не в меру здесь сердца стучат,
Не в меру здесь и любят люди,
Под тонкой кофтой у девчат
К четырнадцати набухают груди.
Ой, звонок на ветру Иртыш!
На поворотах волны гибки,
Под этим ветром не остыть
Лица рыбакского улыбке.
Вода под веслами кипит,
Над головою — лентой птицы.
От гор Алтая до Оби —
Казачьей вольницы станицы.

(1927 г.)

РЫБАКИ

Очень груб он, житель приозерный,
Сивоусый, кряжистый рыбак.
Крючья рук — широких и проворных —
И цигарка длинная в зубах.

Ездит в город он за солью и за хлебом,
За кирпичным чаем и крупой.
И по праздникам расчесывает гребнем
Волосы на голове в пробор.

На вечерках, разомлев, в угаре
Пьет из чашки самогонный спирт
И потом на неуклюжих нарах
До рассвета непробудно спит...

Рыбаки — известные буяны,
Это знает весь Зайсан, —
Словно птицы — бабы сарафаны,
Как пойдут по горенке плясать.

В темных сенцах, где разложен невод,
Как закружит, зашумит гульба,
С хрустом жмут ширококостных девок
И грудастых, мягкотелых баб.

Пьяные рыбакские артели —
Ярые охотники до драк.
Не стерпеть, коли наметит в челюсть
Волосатый, жилистый кулак.

И недаром по окрестным селам
Старики на лавочках ворчат:
«Срам какой-от... Озорная голынь
Перепортила кругом девчат!»

Каждый день раскидывают сети,
Каждый день корзины полны рыб.
Здесь по-взрослому серьезны дети
И по-детски взрослые хитры.

Но слова раскачивают мерно
За столом, когда идет дележ,
Потому, что знают все, наверно,
Что у каждого семья и нож.

Горячее, как корень жёньшень,
Здесь немудро спрятанное зло.
И молитвы суеверных женщин —
За хороший ветер и улов.

В час, когда вонзаются, как когти,
Зоревые, ранние огни,
Сапоги пахучим мажут дегтем
И затягивают у колен ремни.

...Вместе с лодкой движется работа,
Остроносое блестит весло.

У шестов высоких переметов
Много пятен солнечных легло.

Вдалеке сиренево и сине...
При безветрии Зайсан красив.
И в зеленой вымокшой корзине
Шевелятся жирные язи.

К камышовым, водяным просторам
Он мальчишкою еще привык.
Ишь, как руки двигаются скоро
За дрожаньем тонкой бечевы!

...А ночью неуклюжею лапой,
Привыкшей лишь к грузу сетей,
Ищет женщину, рыбьим запахом
Пропитанную до костей.

.

Освещенная бледным светом,
Протянувшаяся к горизонту ширь,
И звезды — золотыми монетами
Рассыпанные в камыши,

И луна — словно желтый гребень,
Запутавшийся в волосах.

...Спит таким спокойным и древним
Затаивший звонкость Зайсан.

(1927 г.)

* * *

Все так же мирен листвев тихий шум,
И так же вечер голубой беспечен,
Но я сегодня полон новых дум,
Да, новых дум я полон в этот вечер.

И в сумраке слова мои звенят —
К покою мне уж не вернуться скоро.
И окровавленным упал закат
В цветном дыму вечернего простора.

Моя Республика, любимая страна,
Раскинутая у закатов,
Всего себя тебе отдам сполна,
Всего себя, ни капельки не спрятав.

Пусть жизнь глядит холодною порой,
Пусть жизнь глядит порой такою злую,
Огонь во мне, затепленный тобой,
Не затушу и от людей не скрою.

И не пройду я отвернувшись, нет,
Вот этих лет волнующихся — мимо.
Мне электрический веселый свет
Любезнее очей любимой.

Я не хочу и не могу молчать,
Я не хочу остаться постояльцем,
Когда к Республике протягивают пальцы,
Чтоб их на горле повернее сжать.

Республика, я одного прошу:
Пусти меня в ряды простым солдатом.
...Замолк деревьев переливный шум,
Утих разлив багряного заката.

Но нет вокруг спокойствия и сна.
Угрюмо небо надо мной темнеет,
Все настороженнее тишина,
И цепи туч очерчены яснее.

(1927 г.)

ПИСЬМО

Месяц чайкой острокрылой кружит,
И река, зажатая песком,
Все темнее, медленней и уже
Отливает старым серебром.

Лодка тихо въехала в протоку
Мимо умолкающих осин, —
Здесь камыш, набухший и высокий,
Ловит нити лунных паутин.

На ресницы той же паутиной
Лунное сияние легло.
Ты смеешься, высоко закинув
Руку с легким, блещущим веслом.

Вспомнить то, что я давно утратил,
Почему-то захотелось вдруг...
Что теперь поешь ты на закате,
Мой далекий темноглазый друг?

Расскажи хорошими словами
(Я люблю знакомый, тихий звук),
Ну, кому ты даришь вечерами
Всю задумчивость и нежность рук?

Те часы, что провела со мною,
Дорогая, позабыть спеши.
Знаю, снова лодка под луною
В ночь с другим увозит в камыши.

И другому в волосы нежнее
Заплетаешь ласки ты, любя...
Дорогая, хочешь, чтоб тебе я
Рассказал сегодня про себя?

Здесь живу я вовсе не случайно —
Эта жизнь для сердца дорога...
Я уж больше не взываю тайно
О родных зеленых берегах.

Я давно пропел свое прощанье,
И обратно не вернуться мне,
Лишь порой летят воспоминанья
В дальний край, как гуси по весне.

И хоть я бываю здесь обижен,
Хоть и сердце бьется невпопад, —
Мне не жаль, что больше не увижу
Дряхлый дом и тихий палисад.

В нашем старом палисаде тесно,
И тесна ссутуленная клеть.
Суждено мне неуемной песней
В этом мире новом прозвенеть...

Только часто здесь за лживым словом
Сторожит припрятанный удар,
Только много их, что жизнь готовы
Переделать на сплошной базар.

По указке петь не буду сроду —
Лучше уж навеки замолчать.
Не хочу, чтобы какой-то Родов
Мне указывал, про что писать.

Чудаки! Заставить ли поэта,
Если он — действительно поэт,
Петь по тезисам и по анкетам,
Петь от тезисов и от анкет.

Чудаки! Поэтов разве учат, —
Пусть свободней будет бег пера!..

...Дорогая, я тебе наскучил?
Я кончу, Ухожу. Пора.

Голубеют степи на закате,
А в воде брусничный плещет цвет,
И восток, девчонкой в синем платье,
Рассыпает пригоршни монет.

Вижу: мной любимая когда-то,
Может быть, любимая сейчас,
Вся в лучах упавшего заката,
На обрыв песчаный забралась.

Хорошо с подъятыми руками
Вдруг остановиться, не дыша,
Над одетыми в туман песками,
Над теченьем быстрым Иртыша.

(1927 г.)

ПЕСНЯ ОБ УБИТОМ

То было там, в моей стране далекой,
Где синим вечером осой звенит июль.
Хранит под сердцем тополь одинокий
Свинец давно уже остывших пуль.

Пыль на дороге с ветреным закатом
Прозрачна, золотиста и легка.
Вот здесь в последний путь когда-то
Расстреливать вели большевика.

Овраг глубок, зарос зеленым талом,
Ручей во мху шипучий, как вино...
Он подошел спокойный и усталый
И прислонился к тополю спиной.

И вот теперь в моей стране далекой,
Где синим вечером звенит июль,
Хранит под сердцем тополь одинокий
Свинец давно уже остывших пуль.

И в час, когда с любимою встречались
В последний раз под лунною листвой,
Я ей шепнул в узор широкой шали,
Я ей шепнул: «Любимая, постой!

Мне нежных слов сейчас не говори ты,
Сейчас куда пристойней помолчать.
Ты слышишь, тополь песню об убитом
Поет листвой под тихий звон ручья?

Ты видишь, там — и медленно и тugo
Свивает кольца голубые дым?
Давай же вместе с закадычным другом
И мы с тобой немного погрустим!»

Высокий полог в звезды пышно выткан,
Спокойно все над нитями дорог.
Любимую я проводил к калитке —
Свою печаль я проводить не мог.

(1927 г.)

ВСТУПЛЕНИЕ К ПОЭМЕ «ШАМАНЬЯ ПЛЯСКА»

Моя страна, мы встретились опять.
Хранишь ты прежнюю угрюмую дремучесть,
Но я давно уж начал понимать,
Что ждет тебя совсем иная участь.

Пускай летят в костер твоей зари
Твоей тайги смолистые поленья,

Пришельцам ты покорно подари
Пустынных рек холодное кипенье.

Шуми, шуми, угрюмый хвойный край!..
Ковер шафранный расстелила осень.
Смелее, ветер, песню начинай,
Перебирая струны сосен.

Чисты от туч, нависли небеса,
Над одиночеством твоих селений...
Бегут на север синие леса,
Бегут на север дикие олени.

Но даже там, где лег спокойно лед,
Где ночь тиха, что коршун над добычей,
Крылатых нарт стремительный полет
Чего-то неустанно ищет.

И на брусничный ветреный закат
Тоскуют долго древние урманы...
В последний раз над головой подъят
Широкий бубен старого шамана!

(1927 г.)

ПАЛИСАД

Я вздыхаю глубоко и редко —
Воздух здесь ядреней и вольней.
Кареглазая моя соседка
В поводу ведет поить коней.

Уговаривать меня не надо:
Задевая ветки тополей,
Тороплюся я из палисада
Пробежать по улице за ней.

Лошадиные спокойны спины,
И за ними не видна она.
У поваленной гнилой лесины
Возле яра я ее догнал.

Берегов приподнятые плечи
Не сгорбатили еще года,
У копыт колышется и плещет
Розовая, сонная вода...

Я сказал: «Здесь чудная погода
И закаты ярче и пышней».
Я спросил: «Ты выйдешь за ворота,
Как поставишь к яслям лошадей?»

Говорил о свежести улыбок,
О родном и близком Иртыше,
Слышно было, как большие рыбы
Громко плавились у камышей.

Резвый ветер маленьким котенком
У ворот в траве попрыгать рад.
Проводил соседку я тихонько
В мой густой зеленый палисад.

Быстро ночи катятся в июле,
Затерялися в листве слова.
Над песками опустелых улиц,
Расползаясь, тает синева.

Близость тонких загорелых пальцев,
Теплота порозовевших щек!
...На траву отброшенным остался
Позабытый ситцевый платок.

1927 г.

ГОЛУБИ

Было небо вдосталь черным,
Стало небо голубей,
Привезла весна на двор нам
Полный короб голубей.
Полный короб разнокрылый —
Детства, радостный родни,
Неразборчивой и милой
Полный короб воркотни.
Приложил я к прутьям ухо —
Весел стал, а был угрем,
Моего коснулся слуха
Ожиданья душный шум.
Крышку прочь! Любовью тая,
Что наделала рука!
Облачком гудящим стая
Полетела в облака.

1927 г.

ОКТЯБРЬ

Новым звоном, слышите, слышите,
Прокатилась наша весна!
Полотнищами алыми вышиты
Этот город и вся страна.

От Ташкента до снежного Севера,
И от Балтики до Китая
Сыпет, сыпет солнечным клевером,
Яркой сказкой быль расцветает.

Средь пустыни безводной, знойной,
Где лежит караванный путь
И ступает верблюд спокойный
На бархана желтую грудь,

И у Каспия, у Астрахáни,
Где мутнее и шире вода,
Новь горит в размахе желаний
По деревням и городам.

Даже там, где тундрой холодной
Улеглась родная земля,
Машет алое знамя свободно,
Как махало б со стен Кремля.

И толпой могуче охвачен
Этим утром на грани лет
Край наш вольный станков и пашен,
Край, которому равного нет!

Эти толпы считают силы,
Эти песни поют о том,
Как последние цепи разбили
Десятилетним своим Октябрем!

Так шуми и взвевай знаменами
И свое от жизни бери.
Мы стальными пришли батальонами
На пороги новой зари!

Новым звоном, слышите, слышите,
Прокатилась наша весна!
Полотнищами алыми вышиты
Этот город и вся страна.

1927 г.

ПО ИРТЫШУ

Ветreno. И мертвой качкой
Нас Иртыш попотчевать готов.
Круглобедрые казачки
Промелькнули взмахами платков.

А колеса биться не устали,
И клубится у бортов река,
И испуганной гусиной стаей
Убегают волны к тальникам.

Жизнь здесь тесто круто замесила,
На улогах солнечной земли,
На песчаном прибрежном иле
Здесь рождались люди и росли.

Здесь под вечер говорливы птицы
Над притихшим, гулким Иртышом.
Вот простую девку из станицы
Полюбить мне было б хорошо.

Я б легко встречал ее улыбки
Под журчанье легкого весла,
Шею мне со смехом, гибко,
Смуглую б рукою обняла.

На ночевки в голубые степи
Я гонял бы косяки коней,
На ночевках при июльском лете
Я грустил бы песнями о ней.

Только мне, я это твердо знаю,
Не пасти уже в степи коня,
И простая девушка такая
Не полюбит никогда меня.

Вновь расстанусь с этими местами,
Отшумит и отзвенит река.
Вспугнанной гусиной стаей
Убегают волны к тальникам.

1927 (?) г.

СИБИРЬ

Сибирь, настанет ли такое,
Придет ли день и год, когда
Вдруг зашумят, уставши от покоя,
В бетон наряженные города?

Я уж давно и навсегда бродяга,
Но верю крепко: повернется жизнь,
И средь тайги сибирские Чикаго
До облаков поднимут этажи.

Плынут и падают высокие закаты
И плавят краски на зеленом льду.
Трясет рогами вспуганный сохатый
И громко фыркает, почувавши беду.

Все дальше вглубь теперь уходят звери,
Но не уйти им от своей судьбы.
И старожилы больше уж не верят
В давно пропетую и каторжную быль.

Теперь иные подвиги и вкусы,
Моя страна, спеши сменить скорей
Те бусы
Из клыков зверей —
На электрические бусы!..

(1928 г.)

АЗИАТ

Ты смотришь здесь совсем чужим,
Недаром бровь тугую сушишь.
Ни за какой большой калым
Ты этой женщины не купишь.

Хоть волос русый у меня,
Но мы с тобой во многом схожи:
Во весь опор пустив коня,
Схватить земли смогу я тоже.
Я рос среди твоих степей,
И я, как ты, такой же гибкий.
Но не для нас цветут у ней
В губах подкрашенных улыбки.
Вот погоди, — другой придет,
Он знает разные манеры
И вместе с нею осмеет
Степных, угрюмых кавалеров.
И этот узел кос тугой
Сегодня ж, может быть, под вечер,
Не ты, не я, а тот, другой,
Распустит бережно на плечи.
Встаешь, глазами засверкав,
Дрожа от близости добычи.
И вижу я, как свой аркан
У пояса напрасно ищешь.
Здесь люди чтут иной закон
И счастье ловят не арканом!

По гравам ветреных песков
Пройдут на север караваны.
Над пестрою кошмой степей
Заря поднимет бубен алый.
Где ветер плещет гибким талом,
Мы оседлаем лошадей.
Дорога гулко зазвенит,
Горячий воздух в ноздри хлынет.
Спокойно лягут у копыт
Пахучие поля полыни.
И там, в предгории Алтая,
Мы будем гости в самый раз.
Степная девушка простая
В родном ауле встретит нас.

И в час, когда падут туманы
Ширококрылой стаей вниз,
Мы будем пить густой и пьяный
В мешках бушующий кумыс.

(1928 г.)

* * *

Глазами рыбьими поверья
Еще глядит страна моя,
Красны и свежи рыбьи перья,
Не гаснет рыбья чешуя.

И в гнувшихся к воде ракитах
Ликует голос травянной —
То трубами полков разбитых,
То балалаечной струной.

Я верю — не безноги ели,
Дорога с облаком сошлась,
И живы чудища доселе —
И птица-гусь, и рыба-язь.

1928 г.

ОХОТНИЧЬЯ ПЕСНЬ

Зверя сначала надо гнать
Через сугроб в сугроб.
Нужно уметь в сети сплетать
Нити звериных троп.

Зверя надо сначала гнать,
Чтоб пал заморен, и потом

Начал седые снега лизать
Розовым языком.

Рыжим пламенем, если — лиса,
Веткою кедра, если — волк,
Чтоб пробовал пули кусать,
Целя зубов защелк.

Но если княжен зверь и усат,
Если он шкурой полосат,
Зпачит, спустился знатный вор
С самых вершин Захинганских гор.

Будь осторожен! Зверь велик,
Он приготовил свой рыжий клик,
Не побежит от тебя, как те,
Верен удар голубых когтей.

Старым удодом кричит заря.
В пестрый лоб посытай заряд,
Пусть не солжет под рукой курок,
Цель под лопатку, чтоб зверь полег.

Сучья кустарников злы и остры,
Братья твои разжигают костры,
Братья встречают тебя на заре,
Злой и седой победитель зверей.

Песней старинной шумят снега.
Пади. Болота. Черна тайга.

(1929 г.)

СОНЕТ

«Суровый Дант не презирал сонета,
В нем жар любви Петрарка изливал...»
А я брожу с сонетами по свету,
И мой ночлег — случайный сеновал.

На сеновале — травяное лето,
Луны печальной розовый овал.
Ботинки я в скитаньях истоптал,
Они лежат под головой поэта.

Привет тебе, гостеприимный кров,
Где тихий хруст и чавканье коров
И неожидан окрик петушиный...

Зане я здесь устроился, как граф!
И лишь боюсь, что на заре, прогнав,
Меня хозяин взбрызнет матерщиной.

1929 г.

МЯСНИКИ

Сквозь сосну половиц прорастает трава,
Подымая зеленое шумное пламя,
И теленка отрубленная голова,
На ладонях качаясь, поводит глазами.
Черственный камень осыпан в базарных рядах,
Терпкий запах плывет из раскрытых отдушин,
На изогнутых в клювы тяжелых крюках
Мясники пеленают багровые туши.
И, собравшись из выжженных известью ям,
Мертвоглазые псы, у порога залаяв,
Подползают, урча, к беспощадным ногам
Перепачканных в сале и желчи хозяев.
Так, голодные морды свои положив,
До заката в пыли обессилят собаки,
Мясники засмеются и вытрут ножи
О бараньи сановные пышные баки.
...Зажигает топор первобытный огонь,
Полки шарит березою пахнущий веник,
Опускается глухо крутая ладонь

На курганиную медь пересчитанных денег.
В палисадах шиповника сыпется цвет,
Как подбитых гусынь покрасневшие перья...
Главный мастер сурово прикажет: «Валет!» —
И рябую колоду отдаст подмастерьям.
Рядом дочери белое кружево ткут,
И сквозь скучные отсветы длинных иголок,
Сквозь содвинутый тесно звериный уют
Им мерещится свадебный, яблочный полог.
Ставит старый мясник без ошибки на треф,
Возле окон шатаясь, горланят гуляки.
И у ям, от голодной тоски одурев,
Длинным воем закат провожают собаки.

1929(?) г.

БАХЧА ПОД СЕМИПАЛАТИНСКОМ

Змеи щурят глаза на песке перегретом,
Тополя опадают. Но в травах густых
Тяжело поднимаются жарким рассветом
Перезревшие солнца обветренных тыкв.
В них накопленной силы таится обуза —
Плодородьем добротным покой нагружен,
И изранено спелое сердце арбуза
Беспощадным и острым казацким ножом.
Здесь гортанная песня к закату нахлынет,
Чтоб смолкающей бабочкой биться в ушах,
И мешается запах последней полыни
С терпким запахом меда в горбатых ковшах.
Третий день беркута уплывают в туманы,
И степные кибитки летят, грохоча.
Перехлестнута звонкою лентой бурьяна,
Первобытною силой взбухает бахча.
Соляною корою примяты равнины,
Но в подсолнухи вытканный пестрый ковер,

Засияв, расстелила в степях Украина
У глухих берегов пересохших озер!
Наклонись и прислушайся к дальним

ПОДКОВАМ

Посмотри — как распластано небо пустынь..
Отогрета ладонь в шалаше камышовом
Золотою корою веснушчатых дынь.
Опускается вечер.

И видно отсюда,
Как у древних колодцев блестят валуны
И, глазами сверкая, вздывают верблюды
Одичавшие морды до самой луны.

1929(?) г.

* * *

Затерян след в степи солончаковой,
Но приглядись — на шее скакуна
В тугой и тонкой кладнице шевровой
Старинные зашиты письмена.

Звенит печаль под острою подковой,
Резьба стремян узорна и темна...
Здесь над тобой в пыли многовековой
Поднимется курганная луна.

Просторен бег гнедого иноходца..
Прислушайся! Как мерно сердце бьется
Степной страны, раскинувшейся тут,

Как облака тяжелые плывут
Над пестрою юртою у колодца.
Кричит верблюд. И кони воду пьют.

1929 (?) г.

ЯРМАРКА В КУЯНДАХ

Над степями плывут орлы
От Тобола на Каркаралы,

И баранов пышны отары
Поворачивают к Атбасару.

Горький ветер трясет полынь,
И в полоне Долонь у дынь —

Их оранжевые тела
Накаляются добела,

И до самого дна нагруз
Сладким соком своим арбуз.

В этот день поет тяжелей
Лошадиный горячий пах —
Полстраны, заседлав лошадей,
Скачет ярмаркой в Куяндах.

Сто тяжелых степных коней
Диким глазом в упор косят,
И бушует для них звончей
Золотая пурга овса.

Сто коней разметало дых —
Белой масти густой мороз,
И на скрученных лбах у них
Сто широких буланых звезд.

Над раздольем трав и пшениц
Поднимается долгий рев —
Казаки из своих станиц
Гонят в степь табуны коров.

Горький ветер, жги и тумань,
У алтайских предгорий стынь!
Для казацких душистых башь
Шелестят березы листы.

В этот день поет тяжелей
Вороной лошадиный пах —
Полстраны, заседлав лошадей,
Скачет ярмаркой в Куяндах!..

Пьет джигит из касэ, — вина! —
Азиатскую супит бровь,
На бедре его скакуна
Вырезное его тавро.

Пьет казак из Лебяжья, — вина! —
Сапоги блестят — до колен,
В пышной гриве его скакуна
Кумачовая выюга лент.

А на седлах чекан-нарез,
И станишники смотрят — во!
И киргизы смеются — во!
И широкий крутой заезд
Низко стелется над травой.

Кто отстал на одном вершке,
Потерял — жалей не жалей —
Двадцать пять в холстяном мешке,
Серебром двадцать пять рублей...
Горький ветер трясет полынь,
И в полоне Долонь у дынь,

И баранов пышны отары
Поворачивают к Атбасару.

Над степями плывут орлы
От Тобола на Каркаралы.

1930 г.

РАССКАЗ О СИБИРИ

Рассказ о стране начинается так:

Четыре упряжки голодных собак,
Им северный ветер взлетает навстречу,
И, к нартам пригнув онемелые плечи,
Их гонит наездник, укутанный в снег.
Четыре упряженки и человек.

Над срубами совы кричали ночами,
Поселок взбухал, обрастаю в кусты,
Настоянным квасом и дымными щами,
И бабы вынашивали животы,
Когда по соседним зародам и гатям
Мужья проносили угрозу рогатин.

Рассказ продолжается. Ветер да камень.
Но взрыта земля глубоко рудниками.
Подвластны железным дорогам равнины,
И первые транспорты цениой пушнины
Отправлены там, где, укутанный в снег,
Четыре упряженки провел человек.

Рассказ продолжается. Слышат становья,
Как тают снега, перемытые кровью...
...И каждый наладил бердан да обрез.
И целый поселок улогами лез.

Аглицкие части застряли в болотах,
И лихорадят вовсю пулеметы...

Рассказ продолжается. Сивый рязанец,
Обвит пулеметною кожею лент,
Благословляет мужичий конвент,
Советы приветствуют партизаны.
И от Челябинска до Уймона
Проходят простреленные знамена.
И вот замолкает обозный скрип;
Сквозь ветер степей, через залежи леса,
Прислушавшись чутко к сиренам Тельбеса,
Огни над собой поднимает Турксиб.

Полярным сияньем и глыбами льда,
Пургой сожжены и застужены ночи,
Но все ж по дремучим снегам прогрохочут
На Фрунзе отправленные поезда.

(1930 г.)

ТОВАРИЩ ДЖУРБАЙ

Товарищ Джурбай!
Мы с тобою вдвоем.
Юрта наклонилась над нами.
Товарищ Джурбай,
Расскажи мне о том,
Как ты проносил под седым Учагом
Горячее шумное знамя,
Как свежею кровью горели снега
Под ветром, подкошенным вровень,
Как жгла, обезумев, шальная пурга
Твои непокорные брови.

Товарищ Джурбай!
Расскажи мне о том,
Как сабля чеканная пела,
Как вкось по степям,
Прогудев над врагом,
Косматая пика летела.

...На домре спокойно застыла рука,
Костра задыхается пламя.
Над тихой юртой плывут облака
Пушистыми лебедями.
По чашкам, урча, бушует кумыс.
Степною травою пьян,
К озеру Куль и к озеру Тыс
Плывет холодный туман.

Шатаясь, идет на Баян-Аул
Табунный тяжелый гул.
Шумит до самых горных границ
Буран золотых пшениц.
Багряным крылом спустился закат
На черный речной камыш,
И с отмелей рыжих цапли кричат
На весь широкий Иртыш.
Печален протяжный верблюжий всхлип.
Встань, друг, и острей взгляни —
Это зажег над степями Турксеб
Сквозь ветер свои огни.
Прохладен и нежен в чашках кумыс...
В высокой степной пыли
К озеру Куль и к озеру Тыс
Стальные пути легли...

Товарищ Джурбай!
Не заря ли видна
За этим притнувшимся склоном?
Не нас ли с тобой
Вызывает страна
Опять — как в боях — поименно?
Пусть домра замолкнет!
Товарищ, постой!
Товарищ Джурбай, погляди-ка!
Знакомым призывом
Над нашей юртой
Склонилась косматая пика!

(1930 г.)

ДЖУТ

По свежим снегам — в тысячи голов —
На восток табуны идут.
Но вам, погонщики верблюдов,
Холодно станет от этих слов —
В пустыне властвует джут.

Первые наездники алтайских предгорий
На легих, на карих, на гнедых лошадях
Весть принесли, что Большое горе
Наледью синей легло в степях.
И сразу топот табунный стих,
Качнулся тяжелый рев —
Это, рога к земле опустив,
Мычали стада коров;
Это кочевала беда, беда
Из аула в другой аул:
— Джут шершавой корою льда
Серединную степь стянул.

А степь навстречу пургой, пургой:
— Ой, кайда барасен... ой-пур-мой! —
А по степи навстречу белый туман:
— Некерек, бельмейм — жаман, жаман.

Жмется к повозкам барайи гурт,
Собаки поднимают долгий вой.
Месяц высок. И хозяин юрт
Качает мудрою головой.
У него ладонь от ветра ряба,
К нему от предгорий спешат гонцы,
На повозках кричат его ястреба,
Иноходцы его трясут бубенцы.
По первой дороге свежих снегов
На восток табуны идут.
Но все меньше и меньше веселых слов

У погонщиков верблюдов,
И в пустыне властвует джут.

— Эй, хозяин высоких юрт,
Гибнет, гибнет барайский гурт.

— Эй, хозяин, беда, беда,
Погибают твои стада.

Настигает смерть, аксакал,
Лучший твой жеребец упал.

Это старый и хитрый джут,
Он по пальцам считает дни.
Хохоча, сумасшедший джут
Зажигает волчьи огни.

— Сжался, старый, безумный джут.

Не бери всех коней и коров,
Отдаем тебе, старый джут,

Самых жирных баранов кровь,
Убери, убери, хитрый джут,

Тонкий лед и белый туман,

Для тебя на кострах, старый джут,
Спляшет самый лучший шаман. —

Но, от голода одичав,

Кони мчат последний разбег,

И верблюды тревожно кричат,

Зарываясь ноздрями в снег.

Ветер прям, и снега чисты.

— Ой-пур-мой, ой-пур-мой, кайда? —

Голубые снега пустынь

Опускаются на стада.

— Эй, хозяин, склони сильней
Ястребиные крылья скул,
По старинным путям степей
Ты спешишь на Баян-Аул.

У копыт поземки бегут,
За спиной хохочет джут.

И хоть ровен путь и хорош,
Все равно никуда не уйдешь.

Черный куст, тонкий куст — можжевель,
Лижет стремя твое метель.

Все равно не уйдешь далеко
От седых ее языков.

Пропадешь средь голых степей.
— Эй, хозяин! Хозяин, и-ей!

(1930 г.)

КОНЬ

Топтал павлодарские травы недаром,
От Гробны до Тыса ходил по базарам.

Играл на обман средь приезжих людей
За полные горсти кудлатых трефей.

И поднимали кругом карусели
Веселые ситцевые метели.

Прошли табуны по сожженным степям,
Я в зубы смотрел приведенным коням.

Залетное счастье настигло меня —
Я выбрал себе на базаре коня.

В дорогах моих на таком не пропасть —
Чиста вороная, атласная масть.

Горячая pena на бедрах остыла,
Под тонкою кожей — тяжелые жилы.

Взглянул я в глаза, — высоки и остры,
Навстречу рванулись степные костры.

Папаху о землю! Любуйся да стой!
Не грива, а коршун на шее крутой.

Неделю с хозяином пили и ели,
Шумели цветных каруселей метели.

Прощай же, хозяин! Навстречу нахлынет
Поднявшийся горечью ветер полыни.

Навстречу нахлынут по гравам песков
Горячие выюги побед и боев.

От Гробны до Тыса по логам и склонам
Распахнут закат полотнищем червонным.

Над Первой над Конной издалека
На нас лебедями летят облака.

(1930 г.)

ОКТЯБРЬСКИЙ ВЕТЕР

Сквозь тусклые окна
В рассветную рань,
Под кухонный марш
Примусов желтолицых,
Приученным цветом бледнеет герань
И фикусы чахнут в домашних теплицах.
Вдыхая прогорклый
И медленный чад,
На стеклах скучают
Тяжелые мухи.

Здесь сонные стены потупили взгляд,
Ржавея в обойной глухой золотухе...
Костлявые лестницы
Робко ведут,
Раскинув руками
Крутые перила,
Туда, где, проснувшись, постельный уют
Пропах ароматами пудры и мыла.
Качаясь в седых
Гамаках паутин,
Старела тяжелая
Ночь непробудней —
Над флюсом подушек,
В удушье перин
Надсаженно кашляют скучные будни.
Предутренний рынок,
Врываюсь сюда,
Сочится густым
Окровавленным мясом,
Литавры тарелок гремят, и вода
В набухнувших трубах гудит контрабасом.
Среди тупиков
На восьмом этаже
Опять заблудилась
Худая простуда —
Девичьи мечты о флаконах ТЭЖЭ
Томятся в усталом бреду «ундервуда»...
Чахоточный день,
Надломившись, поник
Под грузными арками
Сгорбленных сводов,
И мерная скука бухгалтерских книг
Хранится в влюбленной тоске счетоводов.
В надежно укрытой от бурь тишине
Здесь время плывет допотопной неделей,
И дремлют на выцветшем синем сукне
Отвисшие шеи бульдожных портфелей.

В угодливых масках
Пергаментных лиц
Питомник мещан
Захлебнулся в корыте:
Он стаями вкрадчивых, жадных мокриц
Внимает сквозь узкую щель общежитий.
Пускай обывательский
ЦИК уцелел, —
Индустрия зорко
К врагу повернула
Задымленных труб
Орудийные дула
И комнаты эти взяла на прицел.
Булыжною поступью
Роты домов
Вскипающим митингом
Вышли на площадь,
Где полдень тугие знамена полощет
Горячим разливом багровых ветров.
Сквозь вялую пыль
Неживого старья
Мерцающей пылью
На мертвой портьере
Стремительно-свежий сквозняк Октября
Упрямо ворвется в закрытые двери,
Под солнечным ливнем,
Нахлынув в упор
Под мелкую дрожь
Шепелявых акаций,
Подбитые крылья раскинет у штор
И примет кремлевский салют демонстраций.

(1930 г.)

ПУТЬ В СТРАНУ

Обожжены стремительною сталью,
Пески ложатся, кутаясь в туман,
Трубит весна над гулкой магистралью,
И в горизонты сомкнут Туркестан.

Горят огни в ауле недалеком,
Но наш состав взлетает на откос,
И ветви рельс перекипают соком —
Весенней кровью яблонь и берез.

Обледенев, сгибают горы кряжи
Последнею густою сединой...
Открыт простор.
И кто теперь развязнет
Тяжелый узел, связанный страной?

За наши дни, пропитанные потом,
Среди курганных выветренных трав
Отпразднуют победу декаподы,
В дороге до зари прогрохотав.

В безмолвном одиночестве просторов,
По-прежнему упорен и суров,
Почетными огнями семафоров
Отмечен путь составов и ветров.

Пусть под шатром полярного сияния
Проходят Обью вздыбленные льды —
К пустынному подножию Тянь-Шаня
Индустрии проложены следы.

Где камыши тигриного Балхаша
Качают зыбь под древней синевой,
Над пиками водонапорных башен
Турксеб звенит железом и листвой.

И на верблюжьих старых перевалах
Цветет урюк у синих чайхане,
Цветут огни поднявшихся вокзалов,
Салютуя разбуженной стране.

Здесь, на земле истоптанной границы,
Утверждены горячие века
Золотоносной выюгою пшеницы
И облаками пышного хлопка!..

(1930 г.)

ТУРКСИБ

Товарищ Стэнман, глядите!
Встречают нас
Бесприютные дети алтайских отрогов.
Расстелив солончак, совершают намаз
Кривоплечие камни
на наших дорогах.

Их степная молитва теперь горяча,
Камни стонут в тоске
и тяжелом бессилье,
И сутулые коршуны, громко крича,
Расправляют на них заржавелые крылья.

На курганном закате поверим сильней,
Что, взметнувшись в степях
вороньем темнолистым,
Разбегутся и вспрыгнут на диких коней
Эти камни, поднявшись
с кочевничьим свистом.

От низовий до гор расстилается гул,
Пляшет ханский бунчук
над полынями гордо.

Обдирая бурьяны с обветренных скул,
Возле наших костров собираются орды.

Мгла пустынна, и звездная наледь остра.
(Здесь подняться до звезд, в поднебесье
кружа бы...).

Обжигаясь о шумное пламя костра,
Камни прыгают грузно, как пестрые жабы,
И, глазами тускнея,
впиваются в нас...
Это кажется только!

Осколки отрогов,
Неподвижные камни, без песен и глаз,
Кривоплечие камни на наших дорогах.

Скучно слушать и впитывать их тишину.
По примятой траве,
по курганным закатам,
Незнакомым огнем обжигая страну,
Загудевшие рельсы
летят в Алма-Ата!

Разостлав по откосам подкошенный дым,
Паровозы идут по путям человечьим —
И, безродные камни,
выброситесь к ним,
Чтоб подставить свои напряженные плечи!

Под колесную дрожь
вам дано закричать,
Хоть вы были пустынны, безглазы и немы, —
От Сибири к Ташкенту
без удержу мча,
Грузовые составы слагают поэмы.

(1930 г.)

Гале Анучиной

Так мы идем с тобой и балагулим.
 Любимая! Легка твоя рука!
 С покатых крыш церквей, казарм и тюрем
 Слетают голуби и облака.
 Они теперь шумят над каждым домом,
 И воздух весь черемухой пропах.
 Вновь старый Омск нам кажется знакомым,
 Как старый друг, оставленный в степях.
 Сквозь свет и свежесть улиц этих длинных
 Былого стертых не ищи следов —
 Нас встретит благовестью листьев тополиных
 Окраинная троица садов.
 Закат плывет в повечеревших водах,
 И самой лучшей из моих находок
 Не ты ль была? Тебя ли я нашел,
 Как звонкую подкову на дороге,
 Поруку счастья? Грохотали drogi,
 Устали звезды говорить о боге,
 И девушки играли в волейбол.

1930 г.

ПЕСНЯ

Марии Рогатиной — совхознице

Листвой тополиной и пухом лебяжьим,
 Гортанными криками
 Вспугнутых птиц
 По мшистым низинам,
 По склонам овражьим
 Рассыпана ночь прииртышских станиц.

Но сквозь новолунную мглу понизья,
 Дорогою облачных

Стынущих мет,
Голубизной и вскипающей кровью
По небу ударил горячий рассвет.

И, горизонт перевернутый сдвинув,
Снегами сияя издалека,
На крыши домов
Натыкаясь, как льдины,
Сплошным половодьем пошли облака.

В цветенье и росте вставало Поречье,
В лугах кочевал
Нарастающий гам,
Навстречу работе
И солнцу навстречу
Черлакский совхоз высыпал к берегам.

Недаром, повисший пустынино и утло,
Здесь месяц с серьгою казацкою схож.
Мария! Я вижу:
Ты в раннее утро
С поднявшейся улицей вместе плывешь.

Ты выросла здесь и налажена крепко.
Ты крепко проверена. Я узнаю
Твой рыжий бушлат
И ушатую кепку,
Прямую, как ветер, походку твою.

Ты славно прошла сквозь крещенье железом,
Огнем и работой. Пусть, нежен и тих,
Твой голос не стих
Под кулацким обрезом,
Под самым высоким заданьем не стих.

В засыпанной снегом кержацкой деревне
Враг стлался,

И поднимался,
И мстил.
В придушенной злобе,
Тяжелый и древний,
Он вел на тебя наступление вил.

Беспутные зимы и весны сырье
Топтались в безвыходных очередях,
Но ты пронесла их с улыбкой, Мария,
На крепких своих, на мужицких плечах.

Но ты пронесла их, Мария. И снова,
Не веря пробившейся седине,
Работу стремительную и слово
Отдать, не задумываясь, готова
Под солнцем индустрии вставшей стране.

Гляди ж, горизонт перевернутый сдвинув,
Снегами сияя издалека,
На крыши домов
Натыкаясь, как льдины,
Сплошным половодьем идут облака
И солнце.

Гудков переветренный голос,
Совхоза поля — за развалами верб.
Здесь просится каждый набухнувший колос
В социалистический герб.

За длинные зимы, за весны сырье,
За солнце, добытое
В долгом бою,
Позволь на рассвете, товарищ Мария,
Приветствовать песней работу твою.

1930 г.

ГЛАФИРА

Багровою сиренью набухал
Купецкий город, город ястребиный,
Курганный ветер шел по Иртышу,
Он выветрил амбары и лабазы,
Он гнал гусей теченью вопреки
От Урлютюпа к Усть-Каменогору...
Припомни же рябиновый закат,
Туман в ночи и шелест тополиный,
И старый дом, в котором ты звалась
Купеческою дочерью — Глафирой.

Припомнай же, как, поголубев,
Рассветом ранним окна леденели
И вразнобой кричали петухи
В глухих сенях, что пьяные бояре,
Как день вставал сквозною кисеей,
Иконами и самоварным солнцем,
Горячей медью тлели сундуки
И под ногами пели половицы...

Я знаю, молодость нам дорога
Воспоминаньем терпким и тяжелым,
Я сам сейчас почувствовал ее
Звериное дыханье за собою.

Ну что ж, пойдем по выжженным следам,
Ведь прошлое — как старое кладбище.
Скажи же мне, который раз трава
Зеленою пеной здесь перекипала?

На древних плитах стерты письмена
Пургой, огнем, июньскими дождями,
И воткнут клен, как старомодный зонт,
У дорогой, у сгорбленной могилы!

А над Поречьем те же журавли,
Как двадцать лет назад, и то же небо,
И я, твой сын, и молод и суров
Веселой верой в новое бессмертье!

Пускай прижмется теплою щекой
К моим рукам твое воспоминанье,
Забытая и узнанная мать, —
Горька тоска... Горьки в полях полыни...

Но в тесных ульях зреет новый мед,
И такова извечная жестокость —
Все то, что было дорого тебе,
Я на пути своем уничтожаю.

Мне так легко измять твою сирень,
Твой пыльный рай с расстроенной гитарой,
Мне так легко поверить, что живет
Грохочущее сердце мотоцикла!

Я не хочу у прошлого гостить —
Мне в путь пора. Пусть перелески мчатся
И синим льдом блистает магистраль,
Проложенная нами по курганам, —
Как ветер, прям наш непокорный путь,
Узнай же, мать, поднявшегося сына —
Ему дано восстать и победить.

1930(?) г.

К МУЗЕ

Ты строй мне дом, но с окнами на запад,
Чтоб видно было море-океан,
Чтоб доносило ветром дальний запах
Матросских трубок, песни поморян.

Ты строй мне дом, но с окнами на запад,
Чтоб под окно к нам Индия пришла
В павлиньих перьях, на слоновых лапах,
Ее товары — золотая мгла.

Граненые веками зеркала...
Потребуй же, чтоб шла она на запад
И встретиться с варягами могла.
Гори светлей! Ты молода и в силе,
Возле тебя мне дышится легко.

Построй мне дом, чтоб окна запад пили,
Чтоб в нем играл заморский гость Садко
На гусях мачт коммерческих флотилий!

1930 (?) г.

III. ИЗ СБОРНИКА СТИХОВ
«ПУТЬ НА СЕМИГЕ»
(1932 г.)

ПУТЬ НА СЕМИГЕ

Мы строили дорогу к Семиге
На пастбищах казакских табунов,
Вблизи озер иссякших. Лихорадка
Сначала просто пела в тростнике
На длинных дудках комариных стай.
Потом нам чувствовался холодок¹
Почти сочувственный, почти смешной, почти
Похожий на ломоть чарджуйской дыни.
И мы решали: воздух сладковат
И пахнут медом гривы лошадей.
Но звезды удалялись всё. Вокруг,
Подобная верблюжьей шерсти, мгла
Развертывалась. Сердце тяжелело.
А комары висели высоко
На тонких нитках писка. И тогда
Мы понимали: холода возрастал
Медлительно — и все ж наверняка,
В безветрии — и все-таки прибоем **.
Ломило кости. Бред гудел. И вот
Вдруг небо, повернувшись тяжело,
Обрушивалось. И кричали мы
В больших ладонях светлого ознона,
В глазах плясал огонь, огонь, огонь,
Сухой и синий ***. Поднимался зной.
И мы жевали горькую полынь,
Пропахшую костровым дымом. И
Заря блестела, кровенясь, на рельсах.
Тогда краснопутиловец Краснов
Брал в руки лом и песню запевал.
А по аулам слух летел, что мы
Мертвые давно. Что будто вместо нас ***
Достраивают призраки дорогу.
Но всем пескам, всему наперекор

¹ См. прим. к сб. «Путь на Семиге».

Бригады снова строили и шли.
Пусть возникали города вдали
И рушились... Не к древней синеве
Полдневных марев, не к садам пустыни
По насыпям, по вздрогнувшим мостам
Ложились шпал бездушные тела.
А по ночам, неслышные во тьме,
Тарантулы сбегались на огонь,
Безумные рыдали глухо выпи.
Казалось нам — на океанском дне
Средь водорослей зажжены костры.
Когда же синь и розов стал туман
И журавлиным узким косяком
Крылатых мельниц протянулась стая, —
Мы подняли лопаты, грохоча
Железом светлым, как вода ручьев.
Простоволосые, насторожились мы *****,
Чтоб первым въехал мертвый бригадир
В березовые улицы предместий *****,
Шагнув через победу, зубы сжав.

• • • • • • • • • • • • •
Так был проложен путь на Семиге.

СЕМИПАЛАТИНСК

Полдня июльского тяжеловесней,
Ветра легче — припомнай —
Шли за стадами аулов песни
Мертвой дорогой на Кустанай.

Зноем взятый и сжатый стужей,
В камне, песках и воде рябой,
Семипалатинск, город верблюжий,
Коршуны плавают над тобой.

Здесь, на грани твоей пустыни
Нежна полынь, синева чиста.
Упала в иртышскую зябь и стынет
Верблюжья тень твоего моста.

И той же шерстью верблюжьей, грубой,
Вьется трава у конских копыт.
— Скажи мне, приятель розовогубый,
На счастье ли мной солончак разбит? —

Висит казахстанское небо прочно,
И только Алтай покрыт сединой.
— На счастье ль, все карты спутав нарочно,
Судьба наугад козыряет мной? —

Нам путь преграждают горячие груды *
Камней. И хотя бы один листок!
И снова, снова идут верблюды
На север, на запад и на восток.

Горьки озера! Навстречу зною
Тяжелой кошмой развернута мгла,
Но соль ледовитою белизною
Нам сердце высушила и сожгла.

— Скажи, не могло ль все это присниться?
Кто кочевал по этим местам?
Приятель, скажи мне, какие птицы
С добычей в клюве взлетают там? —

Круги коршуна смыкаются туже,
Камень гремит под взмахом подков.
Семипалатинск, город верблюжий,
Ты поднимаешься из песков!

Горячие песни за табунами
Стальными проходят на Ай-Булак **,

И здорово жизнь козыряет нами,
Ребятами крепкими, как свежак.

И здорово жизнь ударяет метко,
Семипалатинск, — лучший ответ ***!
Мы первую
Железнодорожную ветку
Дарим тебе, как зеленую ветвь.

Здесь долго ждали улыбок наших,
Прямая дорога всегда права.
Мы пьем кумыс из широких чашек
И помним: так пахла в степях трава.

Кочевники с нами пьют под навесом ****
И в меру закат спокоен и ал,
Меж тем как под первым
Черным экспрессом *****
Мост первою радостью затрепетал.

Меж тем как с длинным
Верблюжьим ревом
Город оглядывается назад...
Но мы тебя сделаем трижды новым,
Старый город Семи Палат!

К ПОРТРЕТУ СТЕПАНА РАДАЛОВА

Кузнец тебя выковал и пустил
По свету гулять таким,
И мы с удивленьем теперь тебе
В лицо рябое глядим.

Ты встал и, смеясь, чуть-чуть напролом
Сквозь тесный строй городьбы

Прошел стремительный, как топор
В руках плечистой судьбы.

Ты мчал командармом вьюг и побед,
Обласкан огнем и пургой,
Остались следы твоего коня
Под Омском и под Ургой.

И если глаза сощурить — взойдет
Туман дымовых завес,
Голодные роты идут, поют,
Со штыками наперевес.

И если глаза сощурить опять —
Полыни, тайга и лед...
И встанет закат, и Омск падет,
И Владивосток падет.

Ты вновь поднимаешь знамя свое *
На взмыленном Воронке,
И звонкою кровью течет заря
На занесенном клинке.

Полтысячи острых крутых копыт
Взлетают, преграды сбив.
Проносят кони твоих солдат
Косматые птицы грив.

И этот высокий, крепкий закал
Ты выдержал до конца —
Сын трех революций, сын всей страны,
Сын прачки и кузнеца!

Едва ли, едва ли... Нет, никогда!
На прошлом поставлен крест.
Как раньше вел эскадроны, — теперь
Ведешь в наступленье трест.

Смеются глаза. И твоей руки
Верней не бывало и нет.
И крепко знают солдаты твои
Тебя, командарм побед.

КИРГИЗИЯ

Замолкни и вслушайся
в топот табунный...
По стертым дорогам,
по травам сырым
В разорванных шкурах бездомные гуны
Степной саранчой
пролетают на Рим.

Тяжелое солнце в огне и туманах,
Поднявшийся ветер
упрям и суров.

Полыни горьки,
как тоска полонянок,
Как песня аулов,
как крик беркутов.

Просторы безводны.

Но к полдню прольется
Шафранного марева пряный обман,
И нас у пригнувшихся, древних колодцев
Встречает гортанное слово: «Аман» *!

Отточены камни.

Пустынен и страшен
На лицах у иолов отблеск души.
Мартыны и чайки кричат над Балхашем,

* По-киргизски — «Здравствуй!» (прим. авт.).

И стадо кабанье
грызет камыши.

К юрте от юрты,
от базара к базару
Верблюжьей походкой размерены дни,
Но здесь, на дорогах ветров и пожаров,
Строительства нашего
встанут огни.

Совхозы Киргизии!
Травы примяты,
Протяжен верблюжий поднявшийся всхлип.
Дуреет от яблонь
весна в Алма-Ата,
И первые ветки раскинул Турксиб.

Земля, набухая, гудит и томится
Несобранный силой косматых снопов,
Зеленые стрелы
взошедшей пшеницы
Проколют глазницы
пустых черепов.

Так ждет и готовится степь к перемене.
В песках, залежавшись,
вскипает руда,
И слушают чутко Советы селений,
Как ржут у предгорий,
сливаясь, стада.

ПРОВИНЦИЯ – ПЕРИФЕРИЯ

Я знал тебя от ржавых плотин
И до скобы железной,
До самых купецких рябых плотин,

Губернский город Семипалатинск
И Павлодар уездный.

Провинция!

Ты растопила воск
Свечей церковных. И непрестанно
Спивались на троицын праздник влоск
Все три отдела казацких войск
От Омска до Зайсана.

И смертно Васильев Корнила Ильич,
Простой, как его фамилия,
Хлестал огневик, багровел, что кирпич *,
Он пил — тоски не в силах постичь,
И все остальные — пили.

Корнила Ильич! Урони на грудь
Башку! Ты судьбе не потрафил.
Здесь начат был и окончен путь,
Здесь кончен был безызвестный путь
Блистательных биографий!

Но если, как в окна весенний дождь,
Кровь шибко в висок ударит,
Кромешная кровь и шальная... Что ж,
Тогда хоть цепями память стреножь,
А вспомнишь о Павлограде **.

Речные гудки, иртышский плес
И тополь в одежде рваной...
Я помню твой белогрудый рост,
Гусиные лапы твоих колес,
Твой рев, «Андрей Первозванный».

Провинция, я прошел босиком
От края до края тебя — и вижу.

Пусть ты мне давала семью и дом,
Поила меня своим молоком, — ***
Я все ж тебя ненавижу.

Но эта ненависть свежих кровей,
Которой — не остановиться.
Горячие рельсы в пыльной траве!
Гляди: слетели кресты с церквей,
Как золотые птицы.

Но это щебень ржавых плотин
Под вьюгой веселой и грозной,
Где друг против друга — как один — ***
Промышленный центр Семипалатинск
И Павлодар колхозный.

Навстречу ветру распахнута грудь,
Никто судьбе не потрафит.
Здесь начат стремительный,
Звонкий путь —
И здесь продолжается твердый путь
Блистательных биографий.

Сограждане, песню я вам отдам,
Асанов, Пшеницын и токарь Нетке,
Чтоб дружба наша была тверда,
Герои строительства и труда,
Ударники пятилетки!

И пусть на висках отцов седина,
И дали дымят сырье...
Раскинута фронтом сплошная страна,
И нет провинции. Есть одна
Грохочущая периферия!

СЕСТРА

В луговинах по всей стране
Рыжим ветром шумят костры,
И, от голода осатанев,
Начинают петь комары.

На хребтах пронося траву,
Осетры проходят на юг,
И за ними следом плывут
Косяки тяжелых белуг.

Ярко-красный теряет пух
На твоем полотенце петух,
За твоим порогом — река,
Льнут к окну твоему облака,
И поскрипывает, чуть слышна,
Половицами тишина.

Ой, темно иртышское дно, —
Отвори, отвори окно!
Слушай, как водяная мышь
На поёмах грызет камыш.

И спокойна вода, и вот —
Молчаливая тень скользнет.
Это синие стрелы щук
Бороздят лопухи излук,
Это всходит вода ясней
Звонкой радугой окуней.

...Ночь тиха, и печаль остра...
Дай мне руки твои, сестра!
Твой родной постаревший дом
Пахнет медом и молоком.
Наступил нашей встречи срок.

Дай мне руки. Я не остыл,
Пусть махорки моей дымок *
Синь взойдет, как тогда всходил **,
Под резным глухим потолком,
Пусть рассеется тонкий дым.
О далеком и дорогом
Мы с тобою поговорим...

Горячей шумит разговор, —
Вот в зеленых мхах и лугах
Юность мчится во весь опор
На крутых степных лошадях.
По траве, по корявым пням
Юность мчится навстречу нам,
Расплеснулись во все концы
С расписной дуги бубенцы.

...Проплывает туман давно.
Отвори, отвори окно!
Слушай, как тальник, отсырев,
Набирает соки заре.
Первобытной листвой пыля,
Шатаются пьяные тополя.
Всходит рыжею головой
Раньше солнца подсолнух твой.
Осыпая горячий пух,
С полотенца кричит петух.
Утро, утро, сестра, встречай!
Дай мне руки твои! Прощай!

СКАЗ О ДЕДЕ

Корнила Ильич, ты мне сказки баял,
Служивый да ладный — вон ты каков.
Кружилась за окнами ночь, рябая
От звезд, сирени и светляков.

Тогда, как подкошенная, с разлета
В окно ударялась летучая мышь.
Настоянной кровью взбухало болото,
Сопя и всасывая камыш.

В тяжелом ковше не тонул, а плавал
Расплавленных свеч заколдованный воск.
Тогда начиналась твоя забава:
Лягушачьи песни и переплётск.

Недобрый огнем разжигались поверья,
Под мох забиваясь, шипя под золой,
И песни летали, как белые перья,
Как пух одуванчиков над землей...

Корнила Ильич, бородатый дедко,
Я помню, как в пасмурные вечера
Лицо загудевшую синей сеткой *
Тебе заволакивала мошкова **.

И так ты остался, хмурый и ярый ***,
Еще неуступчивый встык, на слом,
Рыжеголовый, с дудкою старой,
Весну проводящий сквозь бурелом.

Весна проходила речонки бродом,
За пестрым телком, распустив волоса,
И петухи по соседним зародам
Сверяли простуженные голоса.

Она проходила куда попало
По метам твоим. И наугад
Из рукава по воде пускала
Белых гусынь и желтых утят.

Вот так радость зверьку и деду ****!
Корнила Ильич, здесь трава и плес...

Давай окончим нашу беседу
У мельничных вызелененных колес.

Я рядом с тобою в осоку лягу,
В упор трясинному зыбуну.
Со дна водяным поднялась коряга,
И щука нацеливается на луну.

Теперь бы время сказкой потешить
Про злую любовь, про лесную жись... *****
Четыре пня, как четыре леших,
Сидят у берега, подпервшись.

Корнила Ильич! По старой излуке
Круги расходятся от пузырей.
И я, распластав, словно крылья, руки,
Встречаю молодость на заре.

Я молодость слышу в птичьем крике,
В цветенье и гаме твоих болот,
В горячем броженье свежей брусники,
В сосне, зашатавшейся от непогод...

Крест не в крест. Земля — не перина.
Как звезды, осыпались светляки.
Из гроба не встанешь и с глаз совиных
Не снимешь стертые пятаки.

И лучший удел — что в забытой яме,
Накрытой древнею синевой,
Отыщет тебя молодыми когтями
Обугленный дуб, шелестящий листвой.

Он череп развалит, он высосет соки,
Чтоб снова заставить их жить и петь,
Чтоб встать над тобою крутым и высоким,
Корой обрастать и ветвями звенеть...

ОХОТА С БЕРКУТАМИ

*Казанская песня **

Ветер скачет по стране, и пыль
Вылетает из-под копыт.
Ветер скачет по степи, и никому
За быстроногим не уследить.
Но, как шибко он ни скакал бы,
Все равно ему ни за что
Степь до края не перескакать,
Всю пустыню не пересечь.
Если он пройдет Павлодар
И в полынях здесь не запутается,
Если он взволнует Балхаш
И в рябой воде не утонет,
Если даже море Арал
Ему глаз камышом не выколет, —
Все равно завязнут его копыта
В седых песках Кзыл-Куум! Ое-й!

Если в Иртыше человек утонет,
То его оплакивать остается.
Солнце ж множество множеств дней
Каждый день неизменно тонет,
Для того, чтоб опять подняться
И сиять над нашею степью,
И сиять над каждой юртой,
И над всем существующим сразу,
И сиять над нашей охотой!

Начинаем мы нашу охоту
Под рябым и широким небом,
Начинаем мы наш промысел
На степи, никем не измеренной.
Начинаем мы нашу погоню
Под высоким, как песня, солнцем.

Пусть сопутствуют нашей охоте
Ветер и удача совместно!
Пусть сопутствуют нашему промыслу
Еще раз удача и ветер!
Пусть помогут нашей погоне
Ветер, дующий на нас, и удача!

Так смотри же, молодой беркутенок,
Как нахохлился старый беркут,
Так смотрите, беркуты наши, зорко —
Вы охотники и мужчины!
Оба вы в цветных малахаях,
Остры ваши синие клювы,
Хрупки ваши шумные крылья **,
И хватаетесь вы когтями
За тяжелую плеть хозяина.

Так смотрите, беркуты наши, зорко —
Над полынями кружит коршун.
Вы не будьте ему подобны, —
Не охотник он, а разбойник.
Он доволен ханством над сусликами,
Он питается грязной падалью ***.
Лысый хан прожорливых сусликов
Беркутам нашим не товарищ!

Вон взметнулась наша добыча —
Длинная старая лисица,
Чернохребтная, огневая
И кривая на поворотах.
Вон, как огонь, она мчится быстро...
Не давайте огню потухнуть,
Горячите коней, охотники,
Окружайте ее, охотники,
Выпускайте беркутов в небо!

Мы забыли, где Каркаралы,
Мы забыли, где наш аул,
Мы забыли, где Павлодар.
Не четыре конца у степи, а восемь,
И не восемь, а сорок восемь,
И не столько, во много больше...
И летит молодой беркутенок
Малахаем, сброшенным с неба,
И проносится старый беркут,
Как кусок веселого дыма,
И проносимся все мы сразу —
Ветер, птицы, удача, всадники —
По курганам за рыжим пламенем.

Мы настигли свою добычу,
Мы поймали ее; лисица
Мчится с беркутом на загривке,
Мчится двадцать аршин и падает,
И ноздрями нюхает землю.
Ой, хорош молодой беркутенок! —
Научил его старый беркут.
Эй, хорош ты, дующий ветер! —
Ты помог нам выследить зверя.
И привязывают охотники
К поясу пламя рыжее.

КОНЬ

Замело станицу снегом — белым-бело,
Путался протяжливый волчий вóлок,
И ворон откуда-то нанесло,
Неприютливых да невеселых.

Так они и осыпались у крыльца,
Сидят раскорячившись, у хозяина просят:

— Вынеси нам обутки,
Дай нам мясца, винца...

Оскудела сытая
В зобах у нас осень.
А у хозяина беды да тревоги.
Прячется пес под лавку, —
Боится, что пнут ногой.
И детеныш, холстяной, розовоногий,
Не играет материнскою серьгой.

Ходит павлин павлином
В печке огонь,
Собирает угли клювом горячим.
А хозяин башку стопудовую
Положил на ладонь —
Кудерь подрагивает, плечи плачут.

Соль и навар полынный
Слижет с губ,
Грохнется на месте,
Что топором расколот...
Подымется, накинет буланый тулуп
И выносит горе свое
На уличный холод.

Расшатывает горе дубовый пригон.
Бычья его кости
Мороз ломает.
В каждом бревне нетесаном
Хрип да стон:
— Что ж это, голубчики,
Конь пропадает!

Что ж это — конь пропадает... Родные! —
Растопырил руки хозяин, сутул.

А у коня глаза теплые, ледяные *.
Жалуются. Голову повернул **.

В самые брови хозяину
Теплом дышит,
Теплым ветром затрагивает волоса:
— Принеси на вилах сена с крыши. —
Губы протянул:
— Дай мне овса.

— Да откуда ж?! Милый! Сердце мужичье!
Заместо стойла
Зубами сгрызи меня... —
По свежим полям,
По луговинам
По-птичьи
Гриву свою рыжую
Уносил в зеленя!

Петухами, бабами в травах смятых
Пестрая станица зашумела со сна,
О цветах, о звонких пегих жеребятах
Где-то далеко затосковала весна.

Далеко весна, далеко —
Не доехать станичным телегам.
Пело струнное кобылье молоко,
Пахло полынью и сладким снегом.

А потом в татарской узде,
Вздыбившись под объездчиком сытым,
Захлебнувшись
В голубой небесной воде,
Небо зачерпывал копытом.

От копыт приплясывал дом,
Окна у него сияли счастливей,

Пролетали свадебным,
Веселым дождем
Бубенцы над лентами в гриве!

...Замело станицу снегом — белым-бело.
Спелой бы соломки — жисти дороже!
И ворон откуда-то нанесло,
Неприветливых да непригожих.

Голосят глаза коньи:
— Хозяин, ги-ибель:
Пропадаю, Алексеич! —
А хозяин его
По-цыгански, с оглядкой
На улку вывел
И по-ворованному
Зашептал в глаза: — Ничего...
Ничего, обойдется, рыжий.
Ишь, каки снега, дорога-то, а!.. —
Опускалась у хозяина ниже и ниже
И на морозе седела голова.

— Ничего, обойдется...
Сено-от близко... —
Оба, однако, из этих мест.
А топор нашаривал
В поленьях, чисто
Как середь ночи ищут крест.

Да по прекрасным глазам
По карим
С размаху — тем топором...
И когда по целованной
Белой звезде ударил,
Встал на колени конь
И не поднимался потом...

Пошли по снегу розы крупные, мятые,
Напитался ими снег докрасна.
А где-то далеко заржали жеребята,
Обрадовалась, заулыбалась весна.

И хозяин с головою белой
Светел глазами, светел...
И небо над ним тоже светлело,
А бубенец зазвякал
Да заледенел.

СЕРДЦЕ

Мне нравится деревьев стать,
Июльских листвьев злая пена.
Весь мир в них тонет по колено.
В них нашу молодость и стать
Мы узнавали постепенно.

Мы узнавали постепенно,
И чувствовали мы опять,
Что тяжко зеленью дышать,
Что сердце, падкое к изменениям,
Не хочет больше изменять.

Ах, сердце человечье, ты ли
Моей доверились руке?
Тебя, как клоуна, учили,
Как попугая на шестке.

Тебя учили так и этак,
Забывши радости твои,
Чтоб в костяных трущобах клеток
Ты лживо пело о любви.

Сгибалась человечья воля *,
И стороною шла гроза.
Друг другу лгали площадные
Чистосердечные глаза.

Но я смотрел на все без страха, —
Я знал, что в дебрях темноты
О кости черствые с размаху
Припадками дробилось ты.

Я знал, что синий мир не страшен.
Я сладостно мечтал о дне,
Когда не по твоей вине
С тобой глаза и души наши
Останутся наедине.

Тогда в согласье с целым светом
Ты будешь лучше и нежней,
Вот почему я в мире этом
Без памяти люблю людей!

Вот почему в рассветах алых
Я чтил учителей твоих
И смело в губы целовал их,
Не замечая злобы их!

Я утром встал, я слышал пенье
Веселых девушек вдали,
Я видел — в золотой пыли
У юношей глаза цвели
И снова закрывались тенью.

Не скрыть мне то, что в черном дыме
Бежали юноши сквозь дым
И песни пели, и другим

Сулили смерть, и в черном дыме
Рубили саблями слепыми
Глаза фиалковые им.

Мело пороховой порошкой,
Большая жатва собрана.
Я счастлив, сердце, допьяна,
Что мы живем в стране хорошей,
Где зреет труд, а не война.

Война! Она готова сворой
Рвануться на страны жилье.
Вот слово верное мое:
Будь проклят тот певец, который
Поднялся прославлять ее!

Мир тяжким ожиданьем связан.
Но если пушек табуны
Придут топтать поля страны —
Пусть будут те истреблены,
Кто поджигает волчьим глазом
Пороховую тьму войны.

Я призываю вас — пора нам,
Пора, я повторяю, нам
Считать успехи не по ранам —
По веснам, небу и цветам.

Родятся дети постепенно,
В прибое. В них иная стать,
И нам нельзя позабывать,
Что сердце, падкое к изменениям,
Не может больше изменять.

Я вглядываюсь в мир без страха,
Недаром в нем растут цветы.

Готовое пойти на плаху,
О кости черствые с размаху
Бьет сердце — пленник темноты.

ЛЕТО

1

Поверивший в слова простые,
В косых ветрах от птичьих крыл
Поводырем по всей России
Гы сказку за руку водил.

Шумели Обь, Иртыш и Волга,
И девки пели на возах,
И на закат смотрели долго *
Их золоченые глаза.

Возы прошли по гребням пенным
Высоких трав, в огнях, в пыли **,
Как будто вместе с первым сеном
Июнь в деревню привезли.

Он выпрыгнул, рудой, без шубы,
С фиалками заместо глаз,
И, крепкие оскалив зубы,
Прищурившись, смотрел на нас.

Его уральцы, словно друга,
Сажали в красные углы,
Его в вагонах красных с юга
Веселые везли хохлы.

Он на перинах спал, как барин,
Он мылся ключевой водой,
В ладони бил его татарин
На Ярмарке под Куюндой!

Какой пригожий!

А давно ли

В цветные копны и стога
Метал январь свои снега,
И на свободу от неволи
Купчиху-масленицу в поле
Несла на розвальнях пурга!

Да и запомнится едва ли
Полет таких людских затей — ***
Чтоб сани по ветру пускали,
Как деревянных лебедей.

Но сквозь ладонь взгляни на солнце —
Весь мир в березах, в камыше,
И сладче, чем заря в оконце,
Медовая заря в ковше.

Когда же яблоня опала?
А одуванчик?.. Только дуны!
Под стеганые одеяла
К молодкам в темень сеновала
Гостить повадился июнь.

Ну, значит, ладны будут дети,
Желтоволосы и крепки,
Когда такая сладость в лете,
Когда в медовом теплом свете
Сплетает молодость венки.

Поверивший в слова простые,
В косых ветрах от птичьих крыл,
Ты, может, не один в России
Такую сказку полюбил.

Да то не сказка ль, что по длинной
Дороге в травах, на огонь,

Играя, в шубе индюшиной,
Без гармониста шла гармонь;

Что ель шептала: «Я невеста»,
Что пух кабан от пьяных сал,
Что статный дуб сорвался с места
И до рассвета проплясал!

2

Мы пьем из круглых чашек лето.
Ты в сердце вслушайся мое,
Затем так смутно песня спета,
Чтоб ты угадывал ее.

У нас загадка не простая:
Ты требуй, вперекор молве,
Чтоб яблони сбирались в стаи,
А голуби росли в траве,

Чтоб на сосне в затишье сада
Свисала тяжко грудь сорок... ****
Все это сбудется, как надо,
На урожай будет срок!

Ну а пока не стынет в чашке
Зари немеркнувшая гладь,
Пока не пробудилась мать,
Я буду белые ромашки,
Как звезды в небе, собирать.

Послушай, синеглазый! Тихо...
Ты прошепчи, пропой во мглу
Про то монашье злое лихо,
Что пригорюнилось в углу.

Крепки, желтоволосы дети,
Тяжелый мед расплескан в лете,

И каждый дождь — как с неба весть.
Но хорошо, что горечь есть,
Что есть над чем рыдать на свете!

3

Нам, как подарки, суждены
И смерти круговые чаши,
И первый проблеск седины,
И первые морщины наши.

Но посмотри на этот пруд —
Здесь будет лед, а он в купавах,
И яблони, когда цветут,
Не думают о листьях ржавых.

Я снег люблю за прямоту,
За свежесть звезд его падучих
И ненавижу только ту,
Ночей гнилую теплоту,
Что зреет в задремавших сучьях.

Так стережет и нас беда.
Нет! Лучше снег и тяжесть льда.
Гляди, как пролетают птицы,
Друг друга за крыло держа.

Скажи, куда нам удалиться
От гнили, что ползет, дрожа,
От хитрого ее ножа?

Послушай, за страною синей,
В лесу веселом и густом,
На самом дне ночи павлиней
Приветливый я знаю дом.

С крылечком узким вместо лапок,
С окном зеленым вместо глаз,

Его цветов чудесный запах
Еще доносится до нас *****.

Их рисовал не человек,
Но запросто их люди рвали,
И если падал ранний снег,
Они цвели на одеяле,

На шалах, на ковре цвели,
На белых кошмах Казахстана,
В плenу затейников обмана,
В плenу у мастеров земли.

О, как они любимы нами!
Я думаю: зачем свое
Укрытое от бурь жилье
Мы любим украшать цветами?

Не для того ль, чтоб средь зимы
Глазами злыми пригорюнясь,
В цветах угадывали мы
Утраченную нами юность?

Не для того ль, чтоб сохранить
Ту необорванную нить,
Ту песню, что еще не спета,
И на мгновенье возвратить
Медовый цвет большого лета?

Так, прислонив к щеке ладонь,
Мы на печном, кирпичном блюде
Заставим ластиться огонь.
Мне жалко, — но стареют люди.
И кто поставит нам в вину,
Что мы с тобой, подруга, оба,
Как нежность, как любовь и злобу,
Накопим тоже седину?

Вот так калитку распахнешь
 И вздрогнешь, вспомнив, что, на плечи
 Накинув шаль, запрятав дрожь,
 Ты целых двадцать весен ждешь
 Условленной вчера лишь встречи.

Вот так, чуть повернув лицо,
 Увидишь теплое сиянье,
 Забытых снов и звезд мельканье,
 Калитку, старое крыльцо...
 Река блеснет, блеснет кольцо,
 И кто-то скажет: «До свиданья...»

ГОРОД СЕРАФИМА ДАГАЕВА

Старый горбатый город — щебень и синева,
 Свернута у подсолнуха рыжая голова.
 Свесилась у подсолнуха мертвая голова,
 Улица Павлодарская, дом номер сорок два.
 С пестрой дуги сорвется колоколец, бренча.
 Красный кирпич базара, цапля и каланча *,
 Красен кирпич базара; цапля не каланча,
 Лошади на пароме слушают свист бича.
 Пес на крыльце парадном, ласковый и косой,
 Верочка Иванова вежливая, с косой,
 Девушка-горожанка с нерасплетенной косой,
 Над Иртышом зеленым чаек полет косой.
 Верочка Иванова с туфлями на каблуках,
 И педагог-словесник с удочкой в руках **.
 Тих педагог-словесник с удилищем в руках,
 Небо в гусиных стаях, в медленных облаках.
 Дыни в глухом и жарком обмороке лежат,
 Каждая дыня копит золото и аромат,

Каждая дыня цедит золото и аромат,
Каждый арбуз покладист, сладок и полосат.
Это ли наша родина, молодость, отчий кров, —
Улица Павлодарская — восемьдесят дворов?
Улица Павлодарская — восемьдесят дворов,
Сонные водовозы, утренний мык коров.
В каждом окне соседском тусклый зрачок огня.
Что ж, Серафим Дагаев, слышишь ли ты меня?
Что ж, Серафим Дагаев, слушай теперь меня:
Остановились руки ярмарочных менял.
И, засияв крестами в синей, как ночь, пыли,
Восемь церквей купеческих сдвинулись и пошли,
Восемь церквей, шатаясь, сдвинулись и пошли
В бурю, в грозу, в распутьцу, в золото, в ковыли.
Пики остры у конников, память пики острой:
В старый, горбатый город грохнули из батарей,
Гулко ворвался в город круглый гром батарей,
Баржи и пароходы сорваны с якорей.
Посередине площади, не повернув назад,
Кони встают, как памятники,
Рушатся и хрипят!
Кони встают, как памятники,
С пулей в боку хрипят.
С ясного неба сыплется крупный свинцовый град.
Вот она, наша молодость — ветер и штык седой,
И над веселой бровью шлем с широкой звездой,
Шлем над веселой бровью с красноармейской
зvezdoy,

Списки военкомата и снежок молодой.
Рыжий буран пожара, пепел пустив, потух,
С гаубицы разбитой зори кричит петух,
Громко кричит над миром, крылья раскрыв, петух,
Клювом впиваюсь в небо и рассыпая пух.
То, что раньше теряли, — с песнями возвратим,
Песни поют товарищи, слышишь ли, Серафим?
Громко поют товарищи, слушай же, Серафим, —
Воздух вдохни — железом пахнет сегодня дым.

Вот она, наша молодость, — поднята до утра,
Улица Пятой армии, солнце. Гудок. Пора!
Поднято до рассвета солнце. Гудок. Пора.
И на местах инженеры, техники, мастера.
Зданья встают, как памятники, — не повернув
назад.

Выжженный белозубый смех ударных бригад,
Крепкий и белозубый смех ударных бригад, —
Транспорт хлопка и шерсти послан

в Ленинград ***.

Вот она, наша родина, с ветреной синевой,
Древние раны площади стянуты мостовой.
В камень одеты площади, рельсы на мостовой.
Статен, плечист и светел утренний город твой!

АВГУСТ

Угоден сердцу этот образ
И этот цвет!..

Языков

I

Еще ты вспоминаешь жаркий день
Зарей малины, крытый шубой лисьей,
И на песке дорожном видишь тень
От дуг, от вил, от птичьих коромысел.
Еще остался легкий холодок,
Еще дымок витает над поляной —
Дубы и грозы валит август с ног,
И каждый куст в бараний крутит рог,
И под гармонь тоскует бабой пьянай.
Ты думаешь, что не приметил я
В прическе холдеющую проседь?
Ведь это та же молодость твоя —
Ее, как песню, как любовь, не бросить.
Она одна из радостных щедрот —
То ль журавлей перед полетом трубы,

То ль медь в цветке и запах первых сот *,
То ль поцелуем тронутые губы.
Вся в облаках заголубела высь,
Вся в облаках над хвойною трущобой...
На даче пни, как гуси, разбрелись.
О, как мычит теленок белолобый!
Мне ничего не надо, только быть
С тобою рядом и, вскипая силой,
В твоих глазах глаза свои топить —
В воде их черной, ветреной и стылой.

II

Но этот август буен во хмелю!
Ты слышишь в нем лишь щебетанье птахи,
Лишь листьев свист. А я его хвалю
За скрип телег, за пестрые рубахи,
За кровь-руду, за долгий сытый рев
Туч земляных, за смертные покосы,
За птиц, летящих на добычу косо,
И за страну, где миллион дворов
Родит и пестует ребят светловолосых.
Ой, как они впились в твои соски,
Рудая осень! Будет притворяться —
Ты их к груди обильной привлеки.
Ведь лебеди летят с твоей руки,
И осы желтые в бровях твоих гнездятся!

III

Сто ярмарок нам осень привезла,
Ее обозы тридцать ден тянулись.
Все выгорело золотом дотла,
Все серебром, все синью добела!
И кто-то пел над каруселью улиц...
Должно быть, любо августовским днем
С венгерской скрипкой, с бубнами в России

Кривить дождю канатным плясуном! **
Слагатель песен, мы с тобой живем,
Винцом осенним тешась, а другие?
Заслышив дождь, они молчат и ждут
В подъездах, шеи вытянув по-курьи,
У каменных грохочущих запруд.
Вот тут бы в смех — и разбежаться тут,
Мальчишески над лужей бедокуря.
Да, этот дождь, как горлом кровь, идет
По жестяным, по водосточным глоткам!
Бульвар измок, и месяц большерот.
Как пьяница, как голубь, город пьет,
Подмигивая лету и красоткам.

IV

Что б ни сказала осень — все права.
Я не пойму, за что нам полюбилась
Подсолнуха хмельная голова,
Крылатый стан его и та трава,
Что кланялась и на ветру дымилась.
Не ты ль бродила в лиственных лесах
И появилась предо мной впервые
С подсолнухами, с травами в руках,
С базарным солнцем в черных волосах,
Раскрывши юбок крылья холстяные?
Дари, дари мне рыжие цветы! ***
Зеленые прижал я к сердцу стебли,
Светлы цветов улыбки и чисты,
Есть в них тепло сердечной простоты,
Их корни рылись в золоте и пепле.

V

И вот он, август, с песней за рекой,
С пожарами по купам, тряской ночью
И с расставанья тающей рукой,

С медвежьим мхом и ворожбой сорочьей.
И вот он, август, роется во тьме
Дубовыми дремучими когтями
И зазывает к птичей кутерьме
Любимую с тяжелыми ноздрями,
С широкой бровью, крашенной в сурьме.
Он прячет в листья голову свою —
Оленью, бычью. И в просветах алых,
В крушенье листвьев, яблок и обвалах,
В ослепших звездах я его пою!

ПЕСНЯ

В черном небе волчья проседь,
И пошел буран в бега,
Будто кто с размаху косит
И в стога гребет снега.
На косых путях мороза
Ни огня, ни дыму нет,
Только там, где шла береза,
Остывает тонкий след.
Шла береза льда напиться,
Гнула белое плечо.
У тебя ж огонь еще:
В темном золоте светлица,
Синий свет в сенях толпится,
Дышат шубы горячо.
Отвори пошире двери,
Синий свет впусти к себе,
Чтобы он павлиньи перья
Расстелил по всей избе,
Чтобы был тот свет угарен,
Чтоб в окно, скуласт и смел,
В иглах сосен вместо стрел,

Волчий месяц, как татарин,
Губы вытянув, смотрел.
Сквозь казацкое ненастье
Я брожу в твоих местах.
Почему постель в цветах,
Белый лебедь в головах?
Почему ты снишься, Настя,
В лентах, в серьгах, в кружевах?
Неужель пропащей ночью
Ждешь, что снова у ворот
Потихоньку захочут
Бубенцы и конь заржет?
Ты свои глаза открай-ка —
Видишь друга неужель?
Заворачивает тройки
От твоих ворот метель.
Ты спознай, что твой соколик
Сбился где-нибудь в пути.
Не ему во тьме собольей
Губы теплые найти.
Не ему по вехам старым
Отыскать заветный путь.
В хуторах под Павлодаром
Колдовским дышать угаром
И в твоих глазах — тонуть!

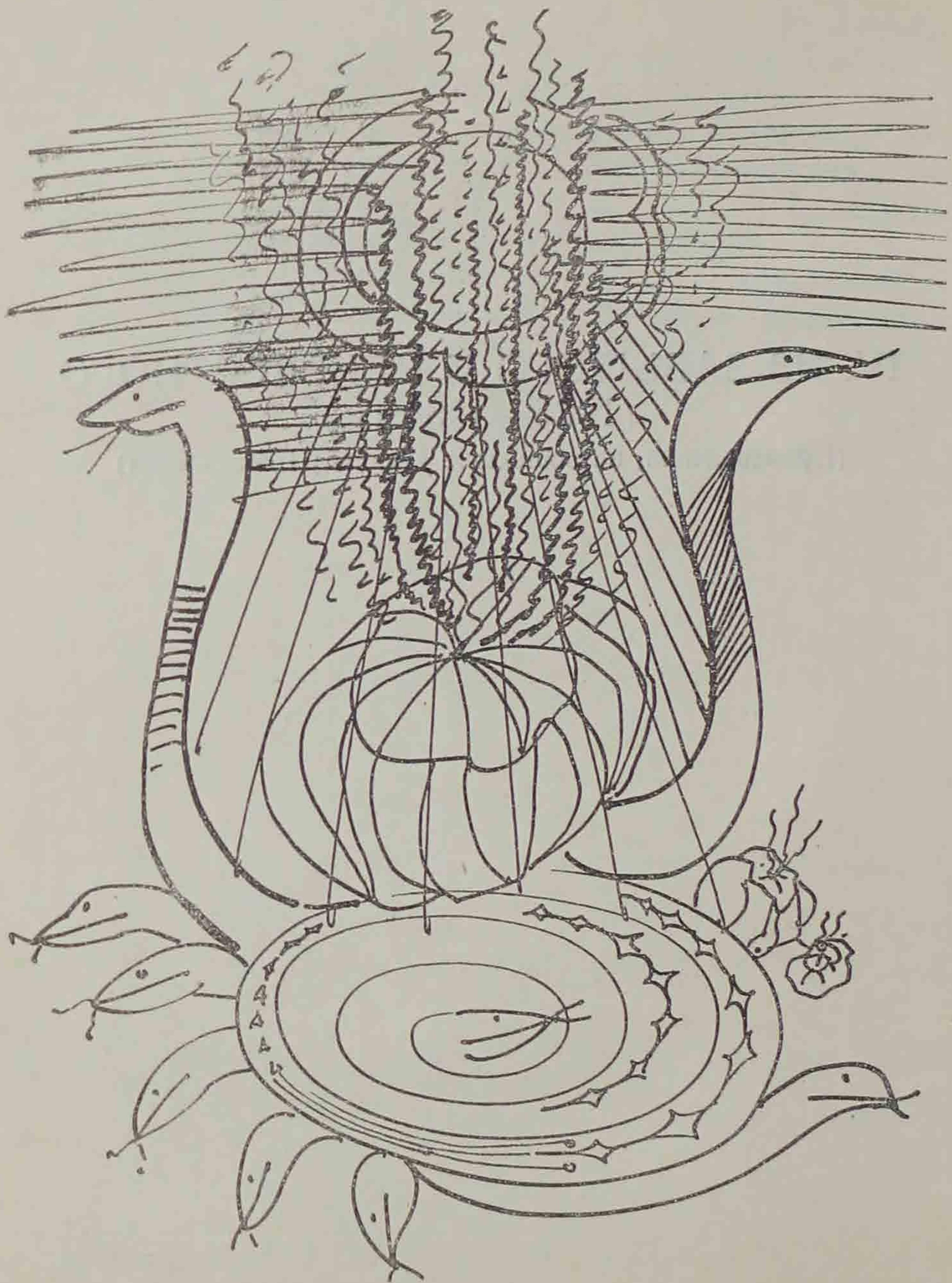
* * *

Мню я быть мастером, затосковав о трудной работе,
Чтоб останавливать мрамора гибкий разбег и крушение,
Лить жеребцов из бронзы гудящей, с ноздрями, как
розы,
И быков, у которых вздыхают острые ребра.
Веки тяжелые каменных женщин не дают мне покоя,
Губы у женщин тех молчаливы, задумчивы и ничего
не расскажут,

Дай мне больше недуга этого, жизнь, — я не хочу
утоленья,
Жажды мне дай и уменья в искусной этой работе.
Вот я вижу, лежит молодая, в длинных одеждах,
упершись о локоть, * —
Ваятель теплого, ясного сна вокруг нее пол-аршина
оставил,
Мальчик над ней наклоняется, чуть улыбаясь,
крылатый...
Дай мне, жизнь, усыплять их так крепко — каменных
женщин!

IV. ИЗ ЗАБЫТОГО И НЕИЗВЕСТНОГО (1926—1934 гг.)

(Произведения, не вошедшие в книги П. Васильева)

* * *

Как этот год, еще пройдут года,
Растают в сумерках тревожные вопросы...
Не суждено мне, видно, расплетать
Твои тяжелые и золотые косы.

Еще не раз туманная луна
В глазах зажжется отблеском зеленым.
Еще не раз, еще не раз она
Пошевелит и высеребрит клены.

Желтоволосая завянет голова,
Умолкнут нежные, немые разговоры.
Я выдумаю тихие слова
Про ночь любви и голубые шторы.

И это так. Когда-нибудь потом
Мне лунный хмель совсем не отоснится
И будет он последним серебром
На плечи старые и в душу виться,

И вот сейчас готов расслышать я
В осенних скрипках звучных и мятежных,
Что ты опять, как не было, моя
И руки у тебя задумчивы и нежны...

...Как этот год, еще пройдут года,
Растают в сумерках тревожные вопросы...
Не суждено мне, видно, расплетать
Твои тяжелые и золотые косы.

1926 г.

ОКТЯБРЬ

Сегодня осень выглядит весною,
Сегодня небо будто голубей.
И радостью палящей, молодою
Напоены размахи дней.

Цветет восторг малиновым цветеньем,
Горит огнем, искрящимся в глазах.
Идут в рядах четыре поколенья
На улицах и площадях.

А ветер бьет и, разбежавшись, машет,
И шевелит разливами знамен.
Я этим праздником охвачен нашим,
Я Октябрем сегодня опьянен.

Да я ль один, мятежным и веселым,
Мы все, мы все по-новому живем.
Пусть открываются колонны комсомолом,
Великим господином Октябрем.

Эй, солнце, жарь, разбрасывай лучами,
Дай разгуляться вволю молодым.
У них и у меня перед глазами
Смешалось алое сегодня с голубым.

(1926 г.)

ВЛАДИВОСТОК

Ласковое неугомонное море
Лапами хватает
За песок.
На обвитом облаками взгорье
Расположился
Владивосток.

В бухту с быстрою зеленою рябью,
Где шумит
Народ,
Из туманной вырываясь хляби,
Режет
Пароход.

Порт шумит. И кули длинной цепью
Тащат, пригибаясь,
Груз.
И китаец в встрепанных отрепьях
Продает попорченный
Арбуз.

Жизнь кипит и улицею льется,
По окрайнам
Катится, звеня.
Это тактом мерным бьется
Сердце трудового
Дня.

...Ласковое неугомонное море
Лапами хватает
За песок.
На покрытом облаками взгорье
Расположился Владивосток.

(1926 г.)

ИЗ ОКНА ВАГОНА

Сопка за сопкой мимо назад
В гущу елей и сосен.
Весь темно-синий таежный халат
Ярко пылающий летний закат
Шелком своим оторочил.

Искрою брызжется в синюю тьму
Солнце, лучами играя.
Ветер, ласкаяся, жмется к стволу,
Шепчет про запад искристый ему,
Песню свою напевая.

Он и меня не оставил. В окно
Бьется, играя с кудрями,
Хочет напомнить о дальнем, о том,
Что заблестевшим по-новому днем
Я за закатом оставил.

Тише и глуше. Ночь, словно ворон,
Запад закрыла крылом.
Воздух неясными тенями полон,
Таежный мир как цепями окован,
Там, за открытым окном.

(1926 г.)

* * *

Алой искрой брызгал закат...
В спину ветер вечерний дул...
Уходил в голубеющий скат
Призакрытый холмами аул.
Незаметной пробитой тропой
Загорелый солнцем малай
Тихо шел и свистел губой...
Я ему приподнял малахай.
Улыбнулся, крикнул: «Аман!»
Он ответил, смеясь глазами...
Над широкой степью туман
Голубыми капал слезами.
...Солнца свет багровый иссяк,
И едва полыхали огни...

Собирали в подолы кизяк
Молодые девки в степи.
Мимо, чуть не бегом, табун
Тонкорогих, тощих коров
Гнали парни за пестрый бурун...
Пахло свежестью снов...
...Мне хотелось вернуться назад...
В спину ветер вечерний дул —
Уходил в голубеющий скат
Призакрытый холмами аул.

(1927 г.)

В ГОРАХ

В далекий голубой простор
Глаза мои смотреть устали,
Задымленная осинь гор,
Отделанная горностаем.
Зеленою пеной калин
Глубокие кипят ущелья,
И пятна желтые легли
На шапки молодого хмеля.
Здесь листья не осыплют цвет,
А там — и солнечно, и снежно,
Мне снова хочется запеть
О вечно золотом и нежном...
И снова прежняя печаль
Как льдина в переливах тает,
...А горы уплывают вдаль,
Отделанные горностаем!..

(1927 г.)

Дорогая ты, хорошая моя,
Друг мой, сероглазый и веселый,
Помнишь, помнишь, как цвели поля
И шумели вечерами села.
Помнишь, помнишь, как алел закат,
В синеве разбросанный букетом,
Помнишь ты цветочный аромат
И еще о чем-то недопетом...
Ветерком вздыхает тихо гладь,
Шевелит овсяными кудрями.
Хорошо под небом отдохнуть
Нежными такими вечерами.
Хорошо блестит тогда в глазах
Оживленный самоцветный камень.
Как легко про многое сказать
Загорелыми и тонкими руками.
В сердце — нежность летних вечеров
Ветерки осенние надули.
Это было в месяце цветов
В знойном голубом июле.
Как тогда кудрявились поля
И шумели вечерами села.
Дорогая ты, хорошая моя,
Друг мой сероглазый и веселый.

(1927 г.)

НАМ НЕ НУЖНА ВОЙНА

Мы говорим: нам не нужна война,
Мы на войну не выйдем сами.
Но если нападут предательски на нас,
Но если нужно будет — вся страна
Вдруг ощетинится штыками.

Предатель метит в нашего посла,
Предатель метит — злобен и неистов.
Мы знаем, кто его послал,
И знаем мы, кто бил из-за угла,
Кто управлял рукою гимназиста.

Мы в памяти все это сохраним,
Мы сохраним предательские пули,
Мы пули вам со счетом возвратим, —
Глаза раскроете навстречу им,
Смерть увидавши в беспощадном дуле.

И не пеняйте сильно, господа,
На то, что мы забудем о пощаде,
Мы вспомним все, как есть, тогда, —
И кровью залитые года,
И бомбы, брошенные в Ленинграде.

(1927 г.)

* * *

Вы просите стихов? Вчера цыганка пела
Про то, что жизнь — случайность и обман,
Про женщину, которая сумела
Уйти с толпой кочующих цыган.

Цветная шаль передо мной упала,
Как степь, наряженная сентябрем.
Я загрустил нечаянно о том,
Что здесь цветов и воздуха так мало.

Вы просите стихов? Хорошая Мальвина,
Но что за прок в двадцатый раз
Вас срифмовать с какой-нибудь картиной
Или назвать Мадонной Вас!

Постойте, милая, — вот разбредемся все мы.
Добуду воздуха я и цветов,
Преподнесу Вам целую поэму
И множество лирических стихов.

1927 г.

НА СЕВЕРЕ

Где ветер, врываюсь в разрезы извилин,
Расколотым льдом начинает звенеть,
Там дружно под яркими звездами жили
Серебряный Север и белый медведь.
Издревле у Севера было во власти
Играть табунами расколотых глыб,
Медведь же хватал опененною пастью
И грыз на снегу замерзающих рыб.
Но каждого в сердце ударит потеря,
И каждый для подвигов разных рожден.
Тихонько подкрался к дремавшему зверю
И вскинул, прицелясь, охотник ружье.
И зверь зашатался под вспыхнувший грохот...
И терпкая вязь пузырилась у губ,
Когда, пораженный свинцовым горохом,
Беду он чертил на подталом снегу.
Ударилась морда покорно и тупо.
И пенились звезды, во мгле замелькав,
Когда над лохматым распластанным трупом
Голодную морду поднял волкодав.
Ночь тихо склонилась к его изголовью,
Раздробленным льдом переставши звенеть.
И были обрызганы черною кровью
Серебряный Север и белый медведь.

(1928 г.)

УРОЖАЙ

Бурливый август пролил синь на пашни.
В цветенье ярком
Солнечный простор.
И, дню грядущему глядя в упор,
Мы не грустим о сумерках вчераших.

Я знаю, что недаром по утрам,
Где плещут листьями
Багровые осины,
Разбрасывают суетливый гам
Упорные и гулкие машины.

Словам звенеть невыдуманно, просто,
Как песням птичьих,
Пролетавших стай.
Да, знаю я — на вспаханных погостах
Мы соберем богатый урожай!

Пускай же на смуглееющей ладони
Звенит в крупинах
Золото зерна!
Ведь в честь его крылатые гармони
Знакомой песней бьются у окна.
В руках уверенных богатств несметных груда
(Мы не свернем в разбеге лет назад).

...Путь облаков тугих и белогрудых
Отмечен ветром знойным на закат.
Бурливый август пролил синь на пашни,
В цветенье ярком
Солнечный простор.
И, дню грядущему глядя в упор,
Мы не грустим о сумерках вчераших.

(1928 г.)

ПАРТИЗАНСКАЯ РАЗВЕДКА

Храпят в темноте
Осторожные кони.
В зтишье колышутся туч валуны.
И линии четки на тонкой ладони,
На тонкой ладони
Январской луны.
Походка поводья
Колышет упруго.
Как черные тени, проходят кусты.
Где в жарком разбеге
Вдруг вздыбила выюга
Таежных сугробов седые хребты,
Взвивается плетьью
Промерзлая ветка.
Тревожно шуршанье раздробленных

льдов.

Во мгле партизанская
Ищет разведка
Врагов беспокойных и скрытых

следов.

А ветер не молкнет —
Тревожный и колкий,
Он плещет продажную лунную медь,
Чтоб в чащах сумели
Голодные волки
Полночную песню протяжно пропеть.
Ой, северный ветер —

с далеких гранитов!

Ой, северный ветер —

с неведомых рек!

И лошади наст пробивают копытом,
И вязнет в глубоком
Снегу человек!..
Чуть брякает стремя
И согнуты плечи...

— Держися, парнюга, из выюги уйдем! —
В круженье пурговом нежданная

встреча

Скрестилась смертельным свинцовым
огнем.

Металися тени в последнем разгоне
И пули искали укрытые лбы.

Копыта взметнув, пораженные кони
Вставали в смятенье, храпя, на дыбы.

И падали, стукнувшись, глухо и тупо...

И кровь выкипала до самого дна...

Сквозь мерзлые ветки холодные трупы
Бесстрастно и тихо считала луна.

Но все ж ей пришлось просчитаться
немного.

Пусть выюгой охвачен
Тускнеющий путь.

Сквозь чащи угрюмой таежной дороги
Один ускакал в буреломную муть.

Пусть северный ветер
Гремит и звереет.

Ни страха. Ни боли. Ни жалобы нет.

— Наверно, уже партизаны сумеют
Врагам приготовить —
Свинцовый ответ!..

(1929 г.)

* * *

Я опьянен неведомым азартом,
Сижу в кругу таких же игроков.
Судьба тасует розовые карты
Предательского крапа вечеров.

Мы не устанем за удачей гнаться,
Но уж давно размерен каждый ход:

Всем предназначено равно нам проиграться,
И в выигрыше будет — банкомет.

О, дорогая! Ты поймешь, конечно,
Вот почему, хоть властвует азарт,
В кругу других играю так беспечно
И не роняю шелестящих карт.

1929 г.

О ТОМ, КАК РЕБЯТА В КОЛХОЗ ЕЗДИЛИ

I

Выбран старостою в классе
Пионер Ладыгин Вася,
Хоть он ростом невелик
Все ж старателен и хваток.
Самый первый ученик —
Это знают все ребята.
В день веселый и весенний
На шумливой перемене
Он сказал другим всерьез:
— Обсудив, сегодня надо
Разрешить один вопрос:
Кто за то, чтобы бригадой
Нам поехать на колхоз?
Кто за это? И тотчас
Кверху руки целый класс.
Поднял Юра,
Поднял Шура,
Поднял Толя,
Поднял Коля,
А веселый Франц Ки-ки
Поднял сразу две руки.
Ася, Нюся и Нинуся,

Женя, Леля и Маруся,
А за ними, как могла,
Оля руки подняла.
Говорит тут Вася ясно:
— Принято единогласно.
А теперь решим, ребята,
Кто поедет делегатом? —
Вася, Митя и Маруся
Толик, Зиночка и Нюся.
На простор
Колхозных нив
Едет этот коллектив.

II

Сегодня веселью
Вокзал удивлен.
Отъезда приблизился час.
Идут делегаты,
Садятся в вагон,
И их провожает весь класс.
Вагоны в плену пассажиров,
И вот кондуктор свистит соловьем,
Он сам к отправлению
Сигнал отдает,
Он машет зеленым флагом.
Минутная стрелка ползет по часам.
Кричат им товарищи вслед:
— Еще не забудьте
Колхозным полям
От нас передайте привет. —
Гудком откликается
Эхо в лесу,
Качается, падает дым...
Быстрей говорит
Колесо колесу:
— Мы тоже, мы тоже спешим...

Несутся деревья
И с ними кусты,
Гремит вороной паровоз,
Мелькая сквозь реки,
Поля и мосты,
Везет делегатов в колхоз.

III

Над пашнями
Над черными
От самого утра
Отрядами проворными
Проходят трактора.
Под соснами
Кудлатыми
Взлетает птичий свист:
— Знакомься с делегатами,
Товарищ тракторист!
Вася, Митя и Маруся,
Толик, Зиночка и Нюся.
— Очень рад.
Служить готов
Тракторист Иван Петров. —
Говорит тут Вася:
— Ну-ка, объясните, что за штука
Этот трактор, на котором
Вы плывете по просторам
Развороченной земли,
Только так, чтоб очень скоро
Тайну этого мотора
Мы понять бы все смогли. —
Приступил Петров к рассказу:
— Трактор наш всего нужнее,
Заменить он может сразу
Сотню целую коней.
Он проходит над полями

Без уздечки и без дуг,
А за ним спешат рядами
За блестящим плугом плуг.
Пашет он не еле-еле,
Ишь какая глубина,
Будут мягкие постели
Для тяжелого зерна.

IV

На бревнах песню завела
Звонкоголосая пила —
Она распилит ровно
Подставленные бревна.
Топор взлетает,
Трах да трах!
Бежит рубанок вспыхах,
Он бьется словно птица,
Боясь остановиться.
Скрутились в завитушки
Расчесанные стружки.
Среди опилок и трухи
Толпой гуляют петухи,
И, клюв поднявши важно,
Кричат они протяжно.
А из загонов и дворов
Мычанье слышится коров.
Чтоб сена дали или
Сейчас их подоили.
Звенит пила,
Стучит топор,
Работою объяты,
И вот через колхозный двор
Проходят делегаты.
Блестит от солнца
Новый сруб,
Но путь у них недальний —

Они идут гурьбою в клуб
К отстроенной читальне.

V

Вот ребята у порога,
Сколько книжек да газет.
Хоть народу
Очень много,
Никакого шума нет.
Потому что весь народ
Отдыхает от работ.
Все расселись чинно рядом,
Чистота кругом, порядок,
И веселое на них
Электричество горит.
Среди этой тишины,
Вдруг собрав,
Что силы было,
С разукрашенной стены
Радио заговорило:
Объяснить едва ли нужно,
Что трудиться надо дружно,
Для того, чтоб крепче рос
За колхозом весь колхоз.
Сделать каждого сумеем
В коллективе грамотеем...
...Над полем
Дым качается,
Под громкий стук колес
Обратно возвращается
Шумливый паровоз.
И с песнями веселыми
Весь черный кочегар
Бросает уголь в полымя,
Раскидывая жар.
А топка, топка

Топится,
И слышен быстрый свист,
Скорей в Москву торопится
Усатый машинист.

— Эй вы, колеса,
Тише там!
Ведь каждый делегат
О виданном,
О слышанном
Готовит свой доклад.

1930 г.

ЖЕНЩИНЫ

1

Сквозь солнечный
отблеск свободы,
в багряных ветрах Октября,
огнем
переплавили годы
заржавленный
сумрак старья.
В суровой, бессонной тревоге,
над травами
черствой земли,
они по тяжелым дорогам
 знамена свои
пронесли.
Под крепкую музыку стали,
встречая
смертельный закат,
те дни
«Марсельезой» вставали
на гребнях крутых баррикад.

Тогда,
затянув патронташем
походную юность свою,
веселые девушки наши
сгорали
в горячем бою.
Под выстрелы,
вместе с другими,
на вражий, кичливый задор
они в окровавленном дыме
штыки
поднимали в упор.
Прошли батареи и роты,
и кровь
откипела до дна.
Великим порывом работы
охвачена снова
страна.
Сменив боевые доспехи,
турбинной зарей засветив,
Индустрия
новые вехи
вздымает
на нашем пути.
И те, чьи глаза не остыли,
сливаясь
в бесстрепетный строй,
идут в наступленье
текстилем,
раскинув костром
Волховстрой!
Они, не уставшие биться,
упрямо сомкнувшись
в ряды —
за выделкой яркого ситца,
за выплавкой
звонкой руды!

И женщины
новым отрядом
на четкий, взлетающий зов
выходят к стальным
баррикадам
фабричных и гулких станков.

Сестра!
Ты склонилась над пряжей,
сегодня тебе не до сна, —
пусть легкими струнами
ляжет
прозрачная ткань полотна.

Пусть молодость
вскинула факел —
стремительным вихрем огня,
ты вечер зажжешь
на рабфаке
упорством рабочего дня.

II

А в цветных
тепличных будуарах
по старинным
нотам наизусть
на своих изнеженных гитарах
все еще
разучивают грусть.

И романс
цыганскими глазами
томно смотрит
в дымное окно.

...«Ехали на тройке с бубенцами,
а потом проехали давно-о...»

Каруселью
пестрых граммофонов,
изгинаясь,

вкрадчиво плывет
контрабандным грузом привезенный
до рассвета
вычурный фокстрот.
В дыме
папиросного тумана
здесь, тоской
работу заменив,
как листы бульварного романа,
шелестят
зачитанные дни.

III

Горячую жизнь
заперев на засов,
заперев на засов,
словно терем столетний,
под скрежет тарелок
и гул примусов
в квартирах ползут
осторожные сплетни.
В нависнувшем чаде
у огненных плит
надсаженно спорят
криклиевые жены.
И жирная кухня
в застиранный быт
проводит свои
вековые законы.
Костлявые лестницы
робко ведут,
раскинув руками
крутые перила,
туда, где проснувшись,
постельный уют
пропах ароматами

пудры и мыла.
Предутренний рынок,
врываюсь сюда,
сочится
густым, окровавленным мясом,
литавры тарелок гремят, и вода
в набухнувших трубах
гудит контрабасом.

Дробятся квартирных
звонков бубенцы,
заржавленный полдень
встает в полусвете,
в плenу коридоров
томятся жильцы,
и коклюшем кашляют
 чахлые дети.

В пергаментных масках
угодливых лиц
питомник мещан
захлебнулся в корыте —
он стаями
жадных и тусклых мокриц
вползает
сквозь узкую щель
общежитий.

IV

Но мимо
выдуманных вздохов,
над плесневеющим старьем
широкоплечая эпоха
пройдет
в величии своем.

Легли годов глухие версты,
но в поступь врезалось острой
отцов суровое упорство

и песни
стойких матерей.
Сестра!

Склонись над тонкой пряжей,
тебе сегодня не до сна, —
пускай струной
покорно ляжет
тугая нитка полотна.
Пусть красной тенью
вспыхнет факел
призывным отблеском огня.
И встанут снова
на рабфаке
часы размеренного дня.

(1930 г.)

НА ТРАКТОРЕ

Встает рассвет,
и поднимают пар
проталины по утренним поемам,
здесь, развернувшись
сотнями гектар,
дымится даль набухшим черноземом.

Где, отступая,
медленно прошли
израненные полчища морозов,
там молодостью
вспаханной земли
нагреты дни над пашнями колхозов.

Пусть сквозь прибой
нахлынувших ветров
оттаивают северные зори,

гремящие эскадры тракторов
плывут в степном,
весеннем черноморье.

Твоя ладонь смуглееет у руля,
крутоя рычаг
переводи на «полный»!..
Тяжелой зыбью
пенится земля,
вздымя развороченные волны.

Чтоб до конца
простор перелистать,
взметнулся ветер —
звонок и неистов!

Ты крепкогруда и тебе под стать
почетная работа трактористов.

В глухих степях, взрывая тишину,
вновь по пластам
морщинистым и черствым,
плыви и пой,
тревожа целину
горячим нерастряченным упорством.

Припомни!
Как над жнивьями острой,
снопы простоволосые разбросив,
серпом звенели
 песни матерей,
подкашивая золото колосьев.

И как отцы, вынашивая гнев,
впрягали жизнь
в нагорбленные сохи,
но ты за них раскинула посев
на рубеже
невиданной эпохи.

Увидишь ты
в раздолье полевом,
как посреди
раскинутого края,
лучистым, созревающим зерном
осыплется богатство урожая.

(1930 г.)

БАЛЛАДА О ДЖОНЕ

Ио-хо-хо! Ящик с мертвецом
И бочонок рома!

Джон уехал в море с кораблем,
А отца оставил мертвым дома...
«Ио-хо-хо! Ящик с мертвецом
И бочонок рома!»

И в толпе коричневых бродяг
Жизнь текла и медленно, и просто,
На морских извилистых путях
Под седым дыханием норд-оста.

Только им в часы своих проказ
Море шло на разные уступки.
И они в скитаниях не раз
У Рио раскуривали трубки.

Оттого, что между моряков
Счеты с жизнью вечно в беспорядке —
Не один у южных берегов
Умирал от желтой лихорадки.

И тогда над выпитым лицом
Пели все, потупившись сурово:

«Ио-хо-хо! Ящик с мертвцом
И бочонок рома!»

Стал умелым и плеистым Джон.
Стал от ветра и от солнца бурым.
Он имел в портах двенадцать жен —
От Жанейро и до Сингапура.

Раз в таверне, где звенит танго,
Где под утро дым висит устало,
Увидал он — милая его
На столе другому танцевала.

Сквозь смычки, сквозь песенки и танец
Джон взревел: — Изменница! Ну что ж!.. —
Молодой курчавый итальянец
Засадил в него по рукоятку нож.

Шаль девчонка сбросила с плеча
И лицо ему закрыла шалью,
А хозяин сумрачно ворчал:
— Хоть другим бы, черти, не мешали.

— Джон, бедняга! Что ж ты натворил?
За тебя, ей-богу, мы румяны!
Тридцать лет без отдыха ты пил,
А собрался умирать не пьяный.

Вот тебе досталось поделом!
Говорили — приведет к худому...
«Ио-хо-хо! Ящик с мертвцом
И бочонок рома!»

1930(?) г.

ОБОРОНА

Крепи, товарищ,
Руки твои —
Проискам хитрым врагов
не верь.

Мир накренился,
Чтоб рухнуть, — и
Снова война стучится
в дверь.

Грозно клубит
Индустриальный дым —
В сталелитейном никто
не ослаб!

Кольцами вражьих
Границ храним,
Новые козни готовит
генштаб.

Будет ответ
Пролетарский груб —
Ненависть наша сильна,
сильна!

Дымные дула
Фабричных труб
В упор на врага навела
страна.

Снова приказ
Гремит над страной:
— Слушай! По писам
интервентским — огоны!..

Враг, ощетинившийся войной,
Социализма земель не тронь!
Слушай, приказ,
(Он летит звения):
Жалости к злобным врагам
нет,

В воздухе реет, крылья
 крепя,
В воздухе реет наш ответ,
Мы не уступим Советов
 власть,
Пусть окружают со всех
 сторон,
Пусть наступают со всех сторон —
В гуле индустрии поднялась
Самая славная из оброн.

(1930 г.)

РЫБАЦКАЯ ПЕСНЯ

Танцуют в заливе высокие снасти..
-- Не надо, ребята,
Напрасно валандать! —
Растрепанный парус шумит на кунгасе *.
В открытое море уходят шаланды **.
Рыбак! Ты обветрен
И солнцем сожжен ты!
Сиянье залива плывет за тобою,
И море качает свои горизонты,
И ширится ветер
В холодном прибое!

Клубятся навстречу — бураны заката,
Но мачты тревожно и медленно гнутся —
Покрепче же в губы целуйте, девчата,
Ведь, может быть, парни совсем не вернутся!..

* Кунгас — рыбакий бот (прим. авт.).

** Шаланды — небольшие рыбакские суда (прим. авт.).

Лукавые волны вскипают у мола...
Быть может, судьба
Обернулася глупо,
И самый любимый,
И самый веселый
Среди водорослей поднимется трупом!

Но если добычи богато и много,
То шкипер покажет
Ухватку иначе
На самых хороших и верных дорогах,
На самых коротких дорогах удачи!

Удача, удача!
В знакомом привете
Рыбачки корзины наполнят проворно.
И медленно лягут тяжелые сети
Серебряной рыбой на отмели черной!

Танцуют в заливе высокие снасти —
Не надо, ребята,
Напрасно валандать —
Растрапанный парус шумит на кунгасе, —
В открытое море уходят шаланды!..

(1930 г.)

ВТОРАЯ КОЛХОЗНАЯ

Прошли четыре путины, и вот
Встает, расставляя крутые плечи,
Горячий колхозно-ловецкий год
Новым путинам и ветрам навстречу.
Порхает последний снег, и снова
Чаек мечутся голоса,
И проверяет ловец сурово

Снасти, причалы и паруса.
Идут последние по низовью
Льдов теснящиеся стада,
Хлещут реки тяжелой кровью
Черной воды под напором льда.

В то время бурь и разлива,
В окно ударившись и звеня,
На заседании партактива
Спор закипел шумней огня.
Первый вскакивает, стул отбросив,
Блестя очками и горячаясь,
Лысый и хитрый,
Обезголосев,
Он начинает:
— Товарищи! Связь
Здесь несомненна... Неполадки
Нас подрежут... Данный план —
Преувеличен. (На шее складки...
Складки на лбу и рот, как капкан.) —
Он продолжает: — Вхолостую
Будем работать. Мой план правей.
Итак, товарищи, — я голосую
За тысячу центнеров, а не две!

Сомненье у многих в сощурье век,
У многих вздрагивает рука.
Но тут поднимается человек
Прямой, как удар штыка.

— Внимание! Мы знаем эти контрпланы,
Они пятилетке командуют «вниз».
Внимание, товарищи, это явный
Изворотливый оппортунизм!
Кулацкий вкрадся к нам подпевала,
Предлагаю: ни шагу назад!

Две тысячи центнеров — это мало.
Четыре тысячи — в аккурат!

И сразу взмахивает все собранье
Лесом рук:
— Задача ясна!
Входит в права соцсоревнованье,
Темпы, ударничество и весна!

(1930 г.)

* * *

Сибирь!
Все ненасытнее и злей
Кедровой шкурой дебрей
обрастая,
Ты бережешь
В трущобной мгле своей
Задымленную проседь соболей
И горный снег
Бесценных горностаев.
Под облаками пенятся костры...
И вперерез тяжелому прибою,
Взрывая воду,
Плещут осетры,
Толпясь под самой
Обскою губою.
Сибирь, когда ты на путях иных
Встаешь, звеня
В невиданном расцвете,
Мы на просторах
Вздыбленных твоих
Берем ружье и опускаем
сети.

И город твой, наряженный
в бетон,
Поднявшись сквозь урманы
и болота,
Сзывает вновь
К себе со всех сторон
От промыслов работников охоты.
Следя пути по перелетам птиц,
По голубым проталинам туманов
Несут тунгусы от лесных границ
Мех барсуков и рыжий мех лисиц,
Прокущенный оскаленным капканом.
Крутая Обь и вспененный Иртыш
Скостили крепко
Взбухнувшие жилы,
И, раздвигая лодками камыш,
Спешат на съезд
От промысловых крыш
Нахмуренные старожилы...
И на призыв знакомый горячей
Страна охоты
Мужественно встала
От казахстанских выжженных
степей
До берегов кудлатого Байкала.
Сибирь, Сибирь!
Ты затаилась злей,
Кедровой шкурой дебрей обрастая,
Но для республики
Найдем во мгле твоей
Задымленную проседь соболей
И горный снег
Бесценных горностаев!..

(1930 *z.*)

УДАРНИК

Кто крепок, как ты, и молод, как ты,
Срывайся и торопись!
У милой горячие плечи круты
И волосы расплелись.

У милой приветное слово: — Жду! —
И губы тебя зовут.
Весна зазывает, щеки раздув,
Сквозь ветер и синеву.

У ней под глазами
отаяла тень,
Тепло для тебя и смех...
Но словно работает в этот день
Ударный литейный цех!

Заря чугуна широка —
И вот звенят ее соловьи.
Упорством набухшие — вперед
Протянуты руки твои.

Ремни шелестят над станком твоим
Резною листвой берёз,
Огни останавливаются
сквозь дым,
Туманнее первых звезд.

Кто крепок, как ты,
и молод, как ты,
Срывайся и торопись!
У милой горячие плечи круты
И волосы расплелись.

Но песни вздымаются и гремят,
Отзванивая в проводах,

И рядом товарищи из бригад
Забыли о соловьях!

Бушует тяжелая голубизна —
Вагранка и человек.
Сквозь окна, склонясь,
на тебя весна
Глядит из-под розовых век.

На стекла легла слюдяная тень
За солнце,
тепло

и смех

Исправно работает в этот день
Ударный литейный цех!..

(1930 г.)

ПРОМЫСЛА

Мы снова ждем...
— Вернутся с лова скоро
Шаланды, отплывавшие с утра, —
Под предрассветным
Холодом рассвета,
Охваченные трепетом мотора,
Их в бухту выводили катера.
Уже идут...

За ними — голубая
Клубится даль, и паруса над ней,
Как белых чаек
Вспуганная стая,
И вот шумят, добычу принимая,
Отцепщики у утых пристаний.
Здесь солнце
На скалистые изгибы

Нахлынуло разгоряченным днем.
Улов богат...
О сдвинутые глыбы
Лучистый всплеск
Невычерпанной рыбы
Разбрзыгался сверкающим
дождем.

Она в сетях —
Как в зыбкой паутине,
Разбрасываясь, падает сквозь
зной,

И, задыхаясь,
Мечется в корзине,
Заискриввшись немеркнущей
и синей,

Обсыпанной лучами чешуей.

Она легла
Над камнем этим голым,
Разысканная в дебрях глубины
Морским трудом —
Упрямым и тяжелым...

Здесь для нее
Вскипающим рассолом

• Над берегами пенятся чаны.

Пускай в крутой
Протравленная влаге
Тускнеет сельдь, расправив

плавники,

Наполнят ей
Смолистые бочаги
И грузчиков плечистые ватаги
Их пронесут под зычные гудки.

Взойдет туман
Пустынно и сурово,
Но пароход подымет
Якорь в срок...
Он задымит, он выйдет

В море снова,
Чтоб с грузом полновесного
урова
От промыслов поплыть
в Владивосток.

Затихнет зыбь;
Под утро голубая
Застынет даль, и, вскинувшись
над ней,
Обмытый ветром пасмурного
края
Багряный флаг,
Над мачтами взлетая,
Отметит путь советских кораблей.

(1930 г.)

ПУТИНА НА АРАЛЕ

I

Ветром горячим рассеяй туман.
Социализм грядет сквозь туманы.
Большевистская путтина
Есть контрольный план.
Плюс перевыполнение плана,
Плюс самокритика, разгильдяйство минус,
Минус лодырничество,
Рвачество,
Прогул, —
По морю, по синему
Шхуны вынес
Ветер ударничества и рвалул.
Это от края и до края,
Перехватывая рыбные тонны,
В ряд
По ранжиру соревнования выстраиваясь,

Наступают стрелковые цепи бригад.
Это социализм ласточки.
Сквозь туманы
Это пенная злоба лижет бока,
Это ставят вопрос доведения плана
До каждой посуды
И рыбака.
Это по ветру флаг Октября распущен,
Это надвое треснул
Обугленный мир,
Это взявшие новый редут отстающих,
Призываю суроно, берет на буксир,
Каждый центнер — ядро в неприятельский
лагерь,
Каждый центнер — ложится в фундамент
зажат,
Одеваясь гранитом. В бушующей влаге
Осетриные шипы — подобье гранат.

11

И прокламации

Опять шелестят тревогой листов:
«Добыто (в процентах) по Аралу семнадцать,
Страна приготовилась встретить — сто».
Семнадцать.

— Сто
— Семнадцать.
— Сто.

Сразу

Выметить, нацелить туда, где враг
Скрытый, довольный, невиданный глазу,
Занесший костлявый на нас кулак,
Удар на удар.

Не ударим мимо.

Тонны и тонны рыбы в ответ,
Чтобы тыл обеспечить, необходимо
Оппортунизму сломать хребет.

Ветром горячим рассей туман.

Социализм грядет сквозь туманы.

Большевистская путина

Есть контрольный план

Плюс перевыполнение плана.

Как кровь горячи казахстанские зори.

Торопят ветры: быстрей, быстрей.

Сделаем наше Аральское море

Самым ударным из морей.

(1930 г.)

ВМЕСТЕ С НАМИ

Ловец, не затем ли

Ты вымерил взглядом

Просторы, где плещет

Ластами прибой,

Путину приветствуя шумом,

Чтоб рядом

Подруга твоя запевала с тобой?
Чтоб рядом с собою
Почувствовать руку,
Которая тоже
Не выдаст, не сдаст, —
И доблесть,
И слава,
И труд в том порукой,
И песни смывают
Прошедшую скуку,
Как ливни смывают
Завьюженный наст.
Грохочут дожди
Над простором весенним,
Разорвано зимнее
Ими рядно —
Идут осетры навстречу теченью,
Хребтами чертят
И ныряют на дно.
Здесь ветер путины
Срывался с причала.
Морянами Каспий в упор

задувал,

И в море кунгасы
С размаху бросало
С тяжелого вала на пенистый

вал.

Ловец,
Ты и шторма, и зноя отведал.
Пусть же под взвихренный,
Ветреный вой,
Бригады кунгасов
К путинным победам
Вернее и зорче
Ведет рулевой.

(1931 г.)

УБОРОЧНАЯ

В сплошном черноморье земли
Колосьев литые штыки
Приготовились к новой атаке!
И вот, через зелени
Пенную накипь
Тяжелые танки комбайнов пошли.
Дугою раскинувшись,
В нивы тела погружая,
Они наступленье ведут напрямик,
И полноценное золото урожая
Бушует и падает,
Хлынув волною на них.
Рассветные зори трубят наступленье!
И вот
Оно развернулось!
Но ночь не услышит отбоя, —
Не время теперь нас к победам ведет —
Мы время в узде повели за собою!
Дорога бригад,
Как промчавшийся ветер, проста, —
Никто не посмеет
Остановиться устало.
В боях есть законы,
И первый из них — быстрота,
Быстрота,
Быстрота;
Второй, непременный:
Победа во что бы ни стало.
И темпы решают бесповоротно одно;
И люди, как темпы,
Ударны и непреклонны.
Огромным усилием
Пространство накалено
И воли сомкнули в одну миллионы.
Работать по-новому!

Без перебоев!
Не ждать!
И жизнь поднимается трактором,
Вышками силосных башен,
Простая и четкая, как директива ЦК,
И огневая, как песня,
И молодость наша!..

(1931 г.)

ЛЮБОВЬ НА КУНЦЕВСКОЙ ДАЧЕ

Сначала поезда как бы во сне
Катились, отдаваясь длинным, гулким —
Стоверстным эхом.

О свиданья дне, —
Заранее известно было мне,
Мы совершили дачные прогулки,
Едва догадываясь о весне.
Весна же просто нежилась пока
В твоих глазах.

В твоих глазах зеленых
Мелькали ветки, небо, облака —
Мы ехали в трясущихся вагонах.
Так мир перемещался на оси
Своей, согласно общему движенью,
У всех перед глазами.

Колеси,
Кровь бешеная, бейся без стесненья
В ладони нам, в сухой фанер виска.
Не трогая ничем, не замечая
Раздумья, милицейского свистка, —
Твой скрытый бег, как целый мир,

случаен...

И разговор случаен... И к ответу
Притянут в нем весь круг твоих забот,

И этот день, и пара рваных бот,
И даже я — все это канет в Лету.

Так я смеюсь. И вот уж наконец
Разлучены мы с целым страшным

веком —

Тому свидетель ноющий слепец
С горошиной под заведенным веком.
Ведь он хитрил всегда. И даже здесь,
В моих стихах. Морщинистым и старым
Он два столетья шлялся по базарам —
И руку протянул нам...

— Инга, есть

Немного мелочи. Отдай ему ее. —
Ведь я тебя приобретал без сдачи.
Клянусь я всем, что видит он с мое...

И тормоза... И кунцевские дачи.
Вот отступленье: ясно вижу я,
Пока весна, пока земля потела,
Ты счаствие двух мелких буржуа,
Республика, ей-богу, проглядела.
И мудрено ль, что вижу я сквозь дым
Теперь одни лишь возгласы и лица.
Республика, ты разрешила им
Сплетать ладони, плакать и плодиться.
Ты радоваться разрешила. Ах,
А если нет? Подумаешь — обида!
Мы погрешим, покудова монах
Еще нам индульгенции не выдал.

Но ты... не понимаешь слов, ты вся,
До перышка, падений жаждешь снова
И, глазом недоверчиво кося,
С себя старье снимаешь и обновы.
Но комнатка. Но комнатка! Сам бог
Ее, наверно, вымерял аршином —

Она, как я к тебе привыкнуть смог,
Привыкла к поздравленьям
матерщинным.

Се вызов совершенству всех Европ —
Наполовину в тишину влюбленный,
Наполовину негодующий... А клоп
Застынувший — как поп перед иконой!
А зеркальце разбитое — звездой.
А фартучек, который не дошила...
А вся сама ты излучаешь зной...

Повортываюсь. Я тебя не знал
До этих пор. Обрызганная смехом,
Просторная, как счастье, белизна,
Меж бедер отороченная мехом.
Лебяжьей шеей выгнута рука,
И алый след от скинутых подвязок...
Ты тяжела, как золото, легка,
Как легкий пух полузабытых сказок.
Исчезло все. И только двое нас.
По хребтовине холодок, но ранний,
И я тебя, нацеливаясь, враз
Охватываю вдруг по-обезьяньи.
Жеманница! Ты туфель не сняла.
Как высоки они! Как высоко взлетели!
Нет ничего. Нет берега и цели.
Лишь радостные, хриплые тела
По безразличной мечутся постели.
Пускай узнает старая кровать
Двух счастий вес. Пусть принимает

МИЛОСТЬ

Таить, молчать и до поры скрывать,
Ведь этому она не разучилась.

Ага, кричишь? Я научу забыть,
Идти, бежать, перегонять и мчаться,
Ты не имеешь права равной быть.

Но ты имеешь право задыхаться.
Ты падаешь. Ты стынешь. Падай,
стынь,

Для нас, для окаянных, обреченных.
Да здравствуют наездники пустынь,
Взнуздавшие коней неукрощенных!
Да здравствует. Еще, еще... И бред
Раздвинутый, как эти бедра... Мимо.
Пусть волны хлещут, пусть погаснет свет
В багровых клочьях

Как рассветало рано.
Тринадцатое? Значит, быть беде!
И мы в плену пустячного обмана,
Переплелись, не разберешь — кто где...
— Плутовка. Драгоценная. Позор.
Как ни крути — ты выглядишь

по-курьи. —
Целуемся. И вот вам разговор.
Лежим и, переругиваясь, курим.

1931 2

РАНЕНАЯ ПЕСНЯ

Дала мне мамаша тонкие руки,
А отец тяжелую бровь —
Ни за что ни про что
Тяжелые муки
Принимает моя дремучая кровь.
Ни за что ни про что
Я на свете маюсь,
Нет мне (на свете) праздничных дней.
Так убегает по полю заяц
От летящих на лыжах
Плечистых теней.

Так, задыхаясь
В крученых тенетах,
Осетры саженные
Хвостами бьют.
Тяжело мне, волку,
На волчьих охотах,
Тяжело мне, тополю,
Холод лют.
Вспоминаю я город
С высокими колокольнями
Вплоть до пуповины своей семьи.
Расскажи — что! Родина,
Ночью так больно мне,
Протяни мне,
Родина, ладони свои.
Не (...) теперь — куда там,
Что ж приключилось,
Стряслось со мной:
Али я родился дитем горбатым,
Али рос я сглаженный
И чумной?
Али вы зачинщики,
Дядья-конокрады,
Деды-лампасники,
Гулеваны отцы.
Я не отрекаюсь — мне и не надо
В иртышскую воду прятать концы
Мы не отречемся от своих матерей,
Хотя бы нас
Садили на колья.
Я бы все пальцы выщеловал ей;
Спрятал свои слезы
В ее подоле.
Нечего отметину искать на мне,
Больно вы гадаете чисто да ровно —
Может быть, лучшего ребенка в стране
Носит в своем животе поповна?

Что вы меня учите
Лизать сапоги,
Мой язык плохого
Прибавит глянцу.
Я буян смиренный — бить не моги,
Брошу все, уйду в разбой, в оборванцы.
Устрою кулацкий разгром,
Подожгу поэмы,
Стихи разбазарю,
И там, где стоял восьмистенный дом,
Будет только ветер, замешанный гарью.
Пусть идет все к черту, летит трубой,
Если уж такая судьба слепая.
Лучшие мои девки пойдут на убой,
Золото волос на плечо осыпая.
Мужики и звери из наших мест
Будут в поэмах погибать...
Коровы и лошади, вот те крест,
Морды свои вытянут ко мне,

кончай, мол.

Кому же надобен мой разор,
Неужели не жалко
Хозяйства такого?
Что я, лиходей, разбойник иль вор?
Я еще понадобней
Кого другого.
(Нет, одежа дороже
Собственных шкур.
Не один я бегаю
От пули, как заяц.
Чего же вы смотрите
На меня вприщур,
Будто я отъявленный мерзавец?
Что вы особачились на песню мою.
Песни — мои сестры, а сказы — братья.
Я еще такие песни спою,
Что и самому мне еще не снятся.

Я хочу ходить в советских полках.)
На черта считать мой улов и вылов,
На черта цепляться — айда назад,
Мы еще посмотрим, кому Ворошилов
Подарит отличье за песенный лад.
Кутайтесь в бобровых своих поэмах,
Мы еще посмотрим на вас в бою, —
Поддержат солдаты с звездою на шлемах
Раненую песню мою.

1933 г.

ПЕСНЯ ЮГО-ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН

Прискакали два лыцаря к красотке,
У красотки вся квартера освещена.
Выставила им водки и селедки,
Полюбовника за дверь выставила она.

Звякали уздачками серебряными кони
На привязи. Огни потушил телеграф.
Дала красотка лыцарям по иконе,
Но полюбовник, «смертию смерть поправ»,

Вновь возвратился в обогретое место,
По-другому повернулось дело теперь:
Он ее жених, а красотка его невеста,
Дверь закрыта. Лыцари, выламывайте
напрочь дверь!

1934 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

В книгу «Верю в неслыханное счастье» включены произведения Павла Васильева, написанные им в 1923—1936 годы. Раннее творчество представлено в первом разделе «Исповедью» — отрывком из рукописного дневника 1923 года, сохраненного И. Ф. Пшеницыной, и стихами из школьной тетради поэта, которую сберегла Е. А. Киссен (автографы в архиве Е. А. Вяловой-Васильевой). Второй раздел — «Стихи разных лет» (1926—1930 гг.) — передает творческое становление поэта. В третьем разделе книга представлена сборником, составленным самим поэтом, но не вышедшим отдельным изданием при его жизни, — «Путь на Семиге» (сигнальный экземпляр находится в Государственной библиотеке имени В. И. Ленина). В связи с ограниченным объемом данной книги в нее не вошла поэма «Песня о гибели казачьего войска», включенная поэтом в сборник «Путь на Семиге». В четвертый раздел — «Из забытого и неизвестного» (1926—1934 гг.) отнесены произведения, обнаруженные в основном в недавнее время и не вошедшие ни в одну из посмертных книг поэта.

У текстов, которые печатаются по первой публикации, даты заключены в скобки.

Составитель выражает признательность С. А. Поделкову, Е. А. Вяловой-Васильевой, Н. П. Васильевой (Фурман), И. Ф. Пшеницыной, С. Е. Черных за помощь в подготовке книги.

I. ИЗ РУКОПИСНЫХ ТЕТРАДЕЙ (1923—1926 гг.).

«Кругом песочек, солнце, ветер...» — «Звезда Прииртыша», Павлодар, 1970, 25 декабря.

III. «ПУТЬ НА СЕМИГЕ» (1932 г.). (Изменения, варианты в последующих изданиях)¹.

Путь на Семиге:

- * почувствовался.
- ** пропущена строка: «Он шел на нас, шатаясь, как верблюд».
- *** вариант: лисий.
- **** «Мертвы давно, что будут вместо нас».
- ***** посторонились.
- ***** предместья.

Семипалатинск:

- * ржавые.
- ** идут по барханам на Ай-Булак.
- *** лучше ответь.
- **** поют.
- ***** червонным.

¹ Сверено с книгой П. Васильева «Путь на Семиге» (М. 1932 г.)

К портрету Степана Радалова:

* Ты вновь поднимаешь знамя, ты вновь,
Провинция - периферия;

* как,

** Павлодаре,

*** кормила,

**** город.

Сестра:

* Синь,

** Пусть,

Сказ о деде:

* загудевшее синею,

** в сборнике пропущена строфа:

Ножевой цвет бархата, незабудки,
Да в темную сырь смоляной задал, —
Ходил ты к реке и играл на дудке,
А я подсвистывал и подпевал...

*** таким; да,

**** зверью.

***** жизнь.

Охота с беркутами:

* казахская песня,

** крепки

*** эти строки в последующих изданиях пропущены.

Конь:

* темные,

** жалуется.

Сердце:

* выя,

Лето:

* до-о-лго,

** тенях,

*** средь всяческих,

**** гроздь.

***** пропущена строфа:

От ветра целый мир в поклонах,

Все люди знают, знаешь ты,

Что синеглазые цветы

Растут не только на иконах...

Город Серафима Дагаева:

* церковь,

** удочками,

*** на,

Август:

* мед,

** кривлять.

*** мне, рыжая, цветы.
Множь я быть мастером:
* опершись.

IV. ИЗ ЗАБЫТОГО И НЕИЗВЕСТНОГО (1926—1934 гг.).

«Как этот год, еще пройдут года...» — «Звезда Прииртышия», Павлодар, 1986, 24 июля.

Владивосток — «Красный молодняк», Владивосток, 1926, 4 декабря.

Из окна вагона — «Красный молодняк», Владивосток, 1926, 15 декабря.

«Алой искрой брызгал закат...» — «Молодая деревня», Новосибирск, 1927, 10 марта.

В горах — «Молодая деревня», Новосибирск, 1927, 10 марта.

«Дорогая ты, хорошая моя...» — «Набат молодежи», Хабаровск, 1927, 17 января.

Нам не нужна война — «Советская Сибирь», Новосибирск, 1927, 10 июля.

На Севере — «Забайкальский рабочий», Чита, 1928, 16 сентября.

Урожай — «Власть труда», Иркутск, 1928, 16 сентября.

Партизанская разведка — «Тихоокеанская звезда», Хабаровск, 1929, 23 февраля, под псевдонимом Павел Китаев.

Женщины (совм. с Е. Забелиным) — «Женский журнал», 1930, № 2.

На тракторе (совм. с Е. Забелиным) — «Женский журнал», 1930, № 6.

«Сибирь! Все ненасытнее и злей...» — «Охотник и рыбак Сибири», Новосибирск, 1930, № 7.

Ударник — «Экран», 1930, № 15.

Промысла — «Голос рыбака», Москва, 1930, 22 сентября.

Путина на Араle — «Красная нива», 1930, № 34.

Уборочная — «Прожектор», 1931, №№ 20—21. (Печатается по тексту: «Смена», 1963, № 5).

Любовь на кунцевской даче — «День поэзии», М., 1982. (Печатается по копии из архива Е. А. Вяловой).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

КНИГИ П. ВАСИЛЬЕВА

- В золотой разведке. М. — Л., «Физкультура и туризм», 1930.
Люди в тайге. М. — Л., «Физкультура и туризм», 1931.
Соляной бунт. Поэма. М., Гослитиздат, 1934.
Избранные стихотворения и поэмы. М., Гослитиздат, 1957.
Стихи и поэмы. Избранное. Алма-Ата, Казгослитиздат, 1964.
Стихотворения и поэмы. Новосибирск, Западно-Сибирское книжное издательство, 1966.
Стихотворения и поэмы. Большая серия «Библиотека поэта». Л., «Советский писатель», 1968.
Сердце человеческое. Стихотворения и поэмы. М., «Современник», 1974.
Стихотворения. Библиотека советской поэзии. М., «Художественная литература», 1975.
Стихотворения и поэмы. Уфа, Башкирское книжное издательство, 1976.
Избранные стихотворения. София, «Народна култура», 1979 (на болгарском языке).
Лирика. Л., «Детская литература», 1981.
Соляной бунт. Поэмы. Омск, Омское книжное издательство, 1982.
Соляной бунт. Поэма. М., «Современник», 1983.
Стихотворения и поэмы. Алма-Ата, «Жазушы», 1984.

КНИГИ О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ П. ВАСИЛЬЕВА

- Выходцев П. С. Павел Васильев. Очерк жизни и творчества. М., Советская Россия, 1971 (Писатели Советской России).
Михайлов А. А. Степная песнь. Поэзия Павла Васильева. М., Советский писатель, 1971.
Васильев В. Н. Детство Павла Васильева. Повесть. Новосибирск, Западно-Сибирское книжное издательство, 1974.
Косенко П. П. На земле золотой и яростной. Повести-биографии. Ф. М. Достоевский. Антон Сорокин. Павел Васильев. — Алма-Ата, Жазушы, 1979.
Беленький Е. И. Павел Васильев. Новосибирск, Западно-Сибирское книжное издательство, 1971 (литературные портреты),

СОДЕРЖАНИЕ

Ветер ярости и простоты. Геннадий Тюрин 5

I. ИЗ РУКОПИСНЫХ ТЕТРАДЕЙ (1923—1926 гг.)

Поэзия. Исповедь *	17
Экспромт («Ни слез, ни горечи...») *	19
«Распрощались с зимнею стуженькой...» *	19
«...Кругом песочек, солнце, ветер...»	20
«Сижу, а вечер за окошком...» *	20
Песня про Абрама *	21

II. СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ (1926—1930 гг.)

Бухта	25
Там, где течет Иртыш	26
Рыбаки	27
«Все так же мирен листьев тихий шум...»	29
Письмо	31
Песня об убитом	33
Вступление к поэме «Шаманья пляска»	34
Палисад	35
Голуби	37
Октябрь («Новым звоном, слышите, слышите...»)	37
По Иртышу	38
Сибирь	40
Азиат	40
«Глазами рыбьими поверья...»	42
Охотничья песнь	42
Сонет	43
Мясники	44
Бахча под Семипалатинском	45
«Затерян след в степи солончаковой...»	46
Ярмарка в Куяндах	47
Рассказ о Сибири	49
Товарищ Джурбай	50
Джут	52
Конь («Топтал павлодарские травы недаром...»)	54
Октябрьский ветер	55
Путь в страну	58
Турксеб	59
«Так мы идем с тобой и балагулим...»	61
Песня («Листвой тополиной и пухом лебяжьим...»)	61
Глафира	64
К музе	65

III. ИЗ СБОРНИКА СТИХОВ «ПУТЬ НА СЕМИГЕ» (1932 г.)

Путь на Семиге	69
Семипалатинск	70
К портрету Степана Радалова	72
Киргизия	74
Провинция — периферия	75
Сестра	78
Сказ о деде	79
Охота с беркутами (казакская песня)	82
Конь («Замело станицу снегом...»)	84

Сердце	88
Лето	91
Город Серафима Дагаева	97
Август	99
Песня («В черном небе волчья проседь...»)	102
«Милю я быть мастером...»	103
IV. ИЗ ЗАБЫТОГО И НЕИЗВЕСТНОГО (1926—1934 гг.)	
(Произведения, не вошедшие в книги П. Васильева)	
«Как этот год, еще пройдут года...»	107
Октябрь («Сегодня осень выглядит весною...»)	108
Владивосток	108
Из окна вагона	109
«Алой искрой брызгал закат...»	110
В горах	111
«Дорогая ты, хорошая моя...»	112
Нам не нужна война	112
«Вы просите стихов? Вчера цыганка пела...» *	113
На Севере	114
Урожай	115
Партизанская разведка	116
«Я опьянен неведомым азартом...» *	117
О том, как ребята в колхоз ездили (совм. с Е. Забелиным)*	118
Женщины (совм. с Е. Забелиным)	123
На тракторе (совм. с Е. Забелиным)	128
Баллада о Джоне *	130
Оборона	132
Рыбацкая песня	133
Вторая колхозная	134
«Сибири! Все ненасытнее и злей...»	136
Ударник	138
Промысла	139
Путтина на Араде	141
Вместе с нами	143
Уборочная	145
Любовь на кунцевской даче	146
Раненая песня *	150
Песня юго-западных славян *	153
Примечания	154
Библиографическая справка. Книги П. Васильева	157
Книги о жизни и творчестве П. Васильева	157

Васильев П. Н.

В 19 Верю в неслыханное счастье: Стихотворения / Сост., авт. предисл. и примечаний — Г. А. Тюрина. — М.: Мол. гвардия, 1988. — 159[1] с. — (В молодые годы).

ISBN 5-235-00194-X

Творчество Павла Васильева — выдающегося русского поэта, поэта вулканической эмоциональной энергии и жизнелюбия, — широко известно в нашей стране и за рубежом. Оно трагически оборвалось в 27 лет. Но и то, что он успел сделать в молодые годы, поражает воображение удивительной художественной силой и самобытностью. Созданное Павлом Васильевым еще далеко не изучено. Найдены новые неизвестные стихи поэта. Они составляют отдельную главу в книге. Героями его произведений являются люди сильных страстей и горячих устремлений. Яркий, красочный язык, звучность и колоритность образов доносят до читателя героический дух эпохи.

В 4702010200—185
078(02)—88 209—88

ББК 84Р7

ИБ № 5366

Васильев Павел Николаевич

ВЕРЮ В НЕСЛЫХАННОЕ СЧАСТЬЕ

Заведующий редакцией Г. Зайцев

Редактор П. Калина

Художник Л. Зубарева

Художественный редактор Т. Погудина

Технические редакторы Р. Сиголаева, Е. Михалева

Корректоры В. Назарова, Н. Овсяникова

Сдано в набор 09.01.88. Подписано в печать 23.05.88. А03105.
Формат 70×108^{1/32}. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 7. Условн. кр.-отт. 8,75. Учетно-изд. л. 6,7. Тираж 40 000 экз. Цена 60 коп.
Заказ 3014.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес ИПО: 103030, Москва, Сущевская, 21.

ISBN 5-235-00194-X